

Ключи власти

Саймон Браун

Огонь и меч

2001

Браун С.

Огонь и меч / С. Браун — 2001 — (Ключи власти)

Планы повелительницы Империи не сбылись. Магические Ключи власти, которые она, умирая, завещала своим детям, принесли в страну не единение, но – разлад и кровавые заговоры. Носительница Ключа Меча, принцесса-воительница Арива, руками своих приближенных уничтожившая старшего брата, обладателя Ключа Скипетра, заняла его место на троне... Носитель Ключа Исцеления, маг, врачеватель и мудрец Олио, все глубже погружается в пучину безумия... Младший из братьев, юный принц Линан, носитель таинственного Ключа Единения, пытается свергнуть сестру-узурпаторшу при помощи исконных врагов собственного народа – кочевников-четгов... А за противостоянием людей зорко следят вампиры, часть крови которых течет и в жилах Линана...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	33
ГЛАВА 6	44
ГЛАВА 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Саймон Браун

Огонь и меч

ГЛАВА 1

Осенью, когда знойные летние ветры уже стихли, а свирепые зимние бури еще не грянули, Океаны Травы – несомненно, самое тихое место на континенте Тиир. Иногда случайно налетевший ветерок негромко шелестит золотистым морем, но этот звук не громче, чем проклятье умирающего врага или шепот влюбленного. Даже насекомые прекращают гудеть и зарываются глубоко в землю, дожидаясь весны и новых дождей.

В этот день солнце, еще не утратившее своей летней силы, поднялось высоко над равниной, заставляя воздух над землей переливаться, словно шелк. Единственный водопой на много лиг вокруг сделался всего лишь илистой лужей, и окружающее его кольцо грязи пересекали следы сотни животных. Из этого источника пила семья караков с обвисшими от жажды ушами. Жара заставила их потерять осторожность – они не уловили запаха степной волчицы, которая внимательно наблюдала за ними из зарослей кустарника всего в пятидесяти шагах от источника.

Волчица кралась за ними следом больше двух часов, постоянно держась позади, дожидаясь случая напасть и утащить одного из детенышей. Она чувствовала, что время настало.

Матка зашла глубже в грязь и принялась кататься по ней, оставив детеныша без присмотра. Волчица смерила взглядом расстояние, внимательно отмечая, насколько далеко от группы отошел крупный самец-секач, и напрягла мускулы.

А затем раздался звук – настолько глухой, что она сперва ощутила его как вибрацию в почве. Караки тоже что-то почувствовали и наострили уши, раздувая ноздри. Секач хрюкнул, и стадо поспешило присоединиться к нему; самцы помладше заняли свои позиции на флангах и в тылу.

Звук нарастал в неподвижном воздухе, словно раскат далекого грома. Волчицу он озадачил. Много лет назад, когда была едва ли не детенышем, она слышала что-то подобное, но не помнила, что же это означает.

Караки занервничали. Детеныш, на которого нацелилась волчица, взвизгнул и бросился бежать, оторвавшись от группы. Волчица снова напряглась, готовая воспользоваться растерянностью стада.

И тут появились всадники. Из-под копыт их сивых скакунов летели комья грязи; лошади пронзительно ржали, когда удила глубоко впивались им в губы. Всадники кричали. Градом падали стрелы и дротики. Вот рухнул один молодой карак, затем еще один. Пытавшейся защитить детеныша матке копьём проткнуло шею.

Волчица ошеломленно наблюдала за происходящим. Намеченного ею детеныша поразили две стрелы, и он взвизгнул в последний раз. Замешательство волчицы сменилось внезапным и сильным гневом. Она выпрыгнула из кустов и бросилась не к убитому караку, а к всадникам.

Горбун Эйджер Пармер раскраснелся от волнения. Из его уст вырвался безумный смех. Он развернул коня вправо и извлек свое короткое копьё из бока еще дышащего карака. Подняв глаза, Эйджер увидел, как Линан загнал карака и пронзил его дротиком. Принц поймал взгляд и усмехнулся во весь рот. Эйджер снова рассмеялся, очень обрадованный тем, что бледный юноша снова начал наслаждаться жизнью. К Линану присоединился его четтский друг и опекун Гудон, и они вместе погнались за новой добычей. За ними рванул еще один всадник, вернее

– всадница; Эйджер узнал в ней четтскую королеву Коригану. Он восхищенно смотрел, как она управляла своей кобылой одними коленями, оставляя руки свободными для стрельбы из крепкого изогнутого лука.

Внимание Эйджера привлекло нечто, промелькнувшее на периферии зрения, и он увидел как молодая карачка рванулась к высокой траве. Пришпорив лошадь, он погнался за ней. Карачка увидела его и свернула в сторону. Эйджер выругался вслух: теперь придется бить копьём между лопаток, куда попасть гораздо труднее. Он дождался, когда кобыла окажется достаточно близко к самке карака, чтобы заставить ее споткнуться, и вонзил в беглянку свое оружие. Та хрюкнула, передние ноги ее подкосились; она перекувырнулась, рухнула в грязь, выдирая копьё из руки Эйджера, и перестала двигаться.

Эйджер издал победный клич. «Уже второй! Камаль наверняка пожалеет, что не отправился на охоту!»

Он проверил, нет ли поблизости еще караков, быстро спешил и прикончил добычу ножом. А затем услышал звук, издаваемый отнюдь не караком. Резко развернувшись, он увидел, как из травы на поляну выскочило что-то длинное и серое, величиной с половину четтской кобылы. Оно пробежало под одной из лошадей и, молниеносно распахнув широкую пасть, вспороло ей брюхо. Кобыла пронзительно заржала, взбрыкнула. Ее всадник тяжело упал на землю и оказался придавлен.

«Боже мой! – подумал Эйджер. – Это же степной волк!»

Зверь не стал дожидаться и приканчивать свою первую жертву, а помчался дальше, нырнув под брюхо другой лошади. Наездник увидел мчащегося волка и попытался развернуться но волк оказался слишком проворным и цапнул лошадь зубами за шею. Из порванного горла хлынула кровь, животное рухнуло наземь; увлекая так и оставшегося в седле хозяина. Волк прыгнул на павшую лошадь, порвал горло человеку и метнулся в сторону.

Эйджер не верил своим глазам – так быстро двигалась эта тварь. Остальные кони теснились, прижимаясь друг к другу, инстинктивно пытаясь найти защиту друг у друга, но люди знали – это как раз худшее, что могли сделать скакуны – и отчаянно пытались развести их в стороны, чтобы дать хоть какое-то место для маневра.

Эйджер выдернул из тела карачки копьё и вскочил на собственную кобылу, после чего попытался заставить ее броситься на волка – но та лишь пятилась и выкатывала глаза. Волк бросился к сбившимся в кучу скакунам, пытаясь отыскать возможность прорваться в самую гущу. Мимо уха зверя просвистел дротик, а затем и стрела.

Одна лошадь вырвалась из общей группы, и Эйджер увидел, что на ней скачет Коригана. Волк зигзагом рванул прочь от нее, а затем направился к зарослям травы, с легкостью обогнав кобылу королевы. Коригана выпустила короткую белую охотничью стрелу. Та с резким звуком ударила в землю всего в шаге впереди от волчьей морды, и зверюга развернулась обратно к водопою. Лошадь без колебаний последовала за волком, и четты издали восхищенный крик. А затем он сменился криками ужаса, потому что волк внезапно обернулся и цапнул за одну из щеток над копытами. Лошадь споткнулась, и Коригана перелетела через ее голову, врезавшись в землю плечом. Прижав к груди лук, королева перевернулась. Волк не обратил на нее внимания и набросился на несчастное животное, расчленив его двумя движениями жестоких челюстей.

К этому времени из массы топчущихся на месте скакунов сумел выбиться и Гудон. Он не целясь метнул дротик, надеясь отвлечь внимание волка от своей королевы. Это сработало. Волк прыгнул, и зубы его щелкнули всего в пальце от лица Гудона. Четт выхватил длинный меч и отчаянно попытался развернуть лошадь, но волк снова оказался чуть ли не быстрее, чем видел глаз, и очутился уже позади Гудона. Кобыла перепугалась, встала на дыбы, и Гудон тяжело упал наземь, где и остался лежать, не шевелясь. Волк взвыл, чуть ли не радостно, и бросился на потерявших лошадей всадников.

И тут раздался другой вой, более ужасающий, но издал его не волк. От главной группы отделилась третья лошадь, и Эйджер увидел, что скачет на ней Линан.

– Нет! – закричал Эйджер. – Линан, нет!

И с такой силой вонзил шпоры в бока своей кобылы, что лошадь действительно тронулась вперед – но он знал, что все равно не успеет остановить своего принца.

– Ему не следовало уезжать туда! – заявил Камаль, неопределенно махнув рукой в сторону горизонта. Несколько стоявших поблизости четтов отступили за пределы досягаемости рук этого великана.

Дженроза подавила улыбку.

– А где именно следовало быть Линану?

– Да здесь, конечно, обдумывать свой следующий шаг. А он вместо этого шастает где-то с Эйджером и Гудоном – которым обоим полагалось бы знать, чем ему лучше заниматься!

– Охоту эту затеяла Коригана. А она не из тех, на кого можно не обращать внимания.

Камаль с кислым видом огляделся кругом и понизил голос.

– Она, может, и королева этих четтов, к которым нас занесло, но Линан по рангу выше нее. А он ведет себя так, словно это *она* наследница трона Гренды-Лир.

– Он обзаводится друзьями.

– У него и так есть друзья.

На этот раз Дженроза не смогла удержаться от улыбки.

– В самом деле, Камаль, я знаю, что вид у тебя очень внушительный, а Эйджер – отличный боец, но если Линан хочет отвоевать принадлежащее ему по рождению право, то нужно, чтобы на его стороне выступали не только мы трое.

Камаль хмыкнул и снова принялся сверлить взглядом горизонт.

– Может, оно и так...

– Кроме того, Линану нужно восстановить уверенность в себе. После боя с наемниками Рендла он ни разу не сел на лошадь. И он заслужил право хоть ненадолго освободиться от забот.

– А разве мы все его не заслужили?

– Ты мог бы тоже отправиться на охоту.

– У меня есть дела поважней.

– Например, стоять здесь и жаловаться, что у Линана есть дела поважней?

– Именно, – кивнул великан.

Он услышал смех Дженрозы и не захотел повернуться к ней лицом, но все равно не смог сдержать усмешки.

– Должно быть, я иной раз говорю как дурак, – тихо произнес он через некоторое время.

– Нет, совсем не как дурак. – Дженроза мягко коснулась его руки.

Камаль повернулся к ней. Ему хотелось взять ее за руку и прижать эту руку к своей груди.

– Полагаю, ты права.

– Обычно так и бывает. Но насчет чего именно – в данном случае?

– Насчет Линана. Ему нужно вырваться из лагеря. Он так долго болел, что прогулка верхом, вероятно, пойдет ему на пользу. Надеюсь, с ним все в порядке.

Дженроза увидела в его глазах большую любовь, которую он питал к своему принцу. Когда Линана ранили так тяжело, что он находился на пороге смерти, она случайно услышала, как Камаль говорил с ним, и впервые по-настоящему поняла, что он относился к принцу словно к родному сыну. И тогда же впервые заподозрила, что она, возможно, испытывает к Камалю нечто большее, чем уважение и дружеские чувства.

– Я беспокоюсь о нем, вот и все, – добавил Камаль. – Все время о нем беспокоюсь, особенно с тех пор, как...

– С тех пор как произошла эта перемена?

Камаль кивнул.

– Я знаю, у тебя не было выбора. Если б ты не дала ему кровь той лесной вампириши, он бы умер от ран после столкновения с наемниками Рендла. Ты спасла ему жизнь, Дженроза. И хотя мы знаем, что это изменило его кожу, его реакцию на свет, нам неизвестно, как именно эта кровь повлияла на его рассудок.

– С ним все будет отлично, – сказала Дженроза и расслышала сомнение в собственном голосе. На этот раз ей пришлось выдавливать из себя улыбку. – Да в любом случае, что такого с ним может случиться, когда рядом Эйджер и Гудон?

Волк ринулся на Коригану. Та отбила его наскоком неловко нацеленным ударом позаимствованного у Гудона меча. Зверь увернулся и кинулся вновь. Споткнувшись о тело Гудона, Коригана повалилась навзничь, Волк напрягся для последнего броска, и она поняла, что ей предстоит умереть.

Волк прыгнул.

И вдруг его отшвырнуло в сторону. Коригана сперва не поняла, что именно случилось. Рядом с ней поднялся столб пыли и произошла дикая свалка, волк выгнулся дугой, сию секунду цапнуть зубами кого-то, схватившего его сзади. А затем она узнала кендрийского принца. Его белая фигурка накрепко прикинула к волку. Коригана охнула и вскочила на ноги, готовая броситься спасать принца – а затем потрясенно сообразила, что спасать его вовсе не требуется. Каким-то образом он заваливал волка наземь. Королева увидела, как руки Линана обхватили волка за шею и потянули на себя. Раздался тошнотворный хруст – и зверюга обмякла, вывалив из громадной пасти язык.

Чья-то лошадь резко остановилась, упершись копытами в землю, и горбун Эйджер, с готовым к удару копьем в руке, оказался на земле рядом с Линаном, оттакая его от волка.

Какой-то миг никто не шевелился. Эйджер сжимал копье, Коригана сжимала меч, а Линан стоял над мертвым волком, дыша так же ровно, как всегда.

– Как ты это сделал? – в изумлении спросила Коригана. Он ничего не сказал, лишь изумленно смотрел на свои руки.

– Линан? – попробовал вывести его из оцепенения Эйджер. – Это же степной волк. Он силен, как Камаль. Как тебе удалось сломать ему шею?

Линан освободил подбородок от ремешка широкополой четтской шляпы. Его белая как слоновою костью кожа сверкала от пота. Он прищурился от яркого света и покачал головой.

– Не знаю. – И встретился с обеспокоенным взглядом Эйджера и озадаченным взглядом Кориганы. А затем увидел Гудона.

– О нет! – застонал он и опустился на колени рядом с другом.

Коснувшись пальцами горла четта, Эйджер осторожно приложил к его груди ладонь и объявил:

– С ним все в порядке.

Линан облегченно вздохнул.

– Принеси мне немного воды.

Принц сходил к кобыле Эйджера и вернулся с флягой. Горбун смочил водой платок и похлопал им Гудона по лбу, затем вылил немного воды ему на губы. Они дрогнули, и он позволил Гудону глотнуть немного воды.

– Ох... Все боги ненавидят меня, – пробормотал четт. И моргнув, посмотрел Эйджеру прямо в лицо. – Я в аду.

– Пока еще нет, – хмыкнул тот.

– Что случилось? – слабым голосом спросил пострадавший и попытался сесть. Эйджер обхватил его рукой за плечи. И тут он увидел волчицу. – Это ты сделал?

Эйджер покачал головой и кивнул на Линана.

– Это сделал наш юный принц.

– Метко стреляешь, – Гудон улыбнулся Линану.

– Он сделал это голыми руками, – уточнил Эйджер.

Глаза Гудона расширились.

– Такую тварь не смогли свалить и трое самых сильных наших воинов.

Линан неловко поднялся. Он не знал, куда деть руки.

– Что со мной произошло?

Никто не мог ему ответить.

ГЛАВА 2

Оркид Грейвспир, канцлер Гренды-Лир, нашел свою королеву стоящей в южной галерее дворца. Не застав Ариву у нее в гостиной, он сразу понял, что обнаружит ее здесь. Ему подумалось: есть некоторая ирония в том, что она, как и ненавидимый ею брат Линан, приходила сюда, когда ей хотелось побыть одной. С миг он постоял в ведущих на галерею двустворчатых дверях, изучая ее взглядом.

Арива была высокой и светловолосой, с прямой, как каменная стена, спиной. Красоту она унаследовала от матери, покойной королевы Ашарны, но характер ее был странной смесью материнской мудрости и отцовского эгоистического упрямства. Оркид еще не нашел способа воздействовать на нее, что ему неплохо удавалось с ее матерью.

Эта мысль заставила канцлера печально улыбнуться. После смерти Ашарны ему пришло в голову, что на самом деле это она умела получать от него то, что ей было нужно – и придавать этому такой вид, будто дело обстояло совсем наоборот. Но молодая королева была для этого слишком прямолинейна и еще не научилась замысловатым приемам своей матери по части тонкой лести.

Арива стояла, пристально глядя на тянущийся за королевским городом Кендрой порт и залив Пустельги. Тиару свою она держала в правой руке, и несущий прохладу южный ветерок слегка колыхал ее длинные волосы.

Оркид вежливо кашлянул в кулак и подошел к ней.

– Мне нужно немного побыть одной, канцлер, – не глядя на него, сказала она.

– Нам всем это нужно, ваше величество, но из всех людей вы меньше всего можете себе это позволить.

Он увидел гримасу раздражения у нее на лице.

– Когда вы так говорите, мне слышится голос моей матери.

– Она была мудрейшей из женщин.

– Возможно, не столь уж и мудрой.

– Как так?

– После того, как умер мой отец, она вышла замуж за Генерала и породила Линана.

Оркид глубоко вздохнул. Он так и подозревал, что ее нынешнее настроение связано больше с Линаном, чем с другими государственными делами.

– Задним числом мы все мудры, – промолвил он.

– Да, – кивнула она. – Это было несправедливо с моей стороны. – Она повернулась лицом к нему. – Не правда ли, странно, что, говоря об отце Линана, мы всегда называем его «Генерал»? Почему не «Простолюдин» или просто «Элинд Чизел»?

– Потому что он был самым великим генералом, какого когда-либо видела Кендра.

– А Ашарна была самой великой королевой, какую когда-либо видела Кендра?

– Несомненно.

– Тогда почему же мы не называем ее просто «Королева»?

– Со временем, возможно, и будем так называть. Но, возможно, вы превзойдете ее, ваше величество. И может быть будущие поколения станут колебаться, кого же из вас следует называть просто «Королева».

– А кого всего лишь «мать Королевы» или «дочь Королевы»? Мне не нравится, как это выглядит. Я не хочу быть более великой, чем Ашарна.

– А следовало бы. Если вы не станете стремиться быть самым великим монархом, какой когда-либо бывал в Кендре, то перестанете выполнять свой долг.

Оркид заворуженно наблюдал за тем, как щеки ее залил румянец розетемской ярости.

– Да как вы смеете!..

– Теперь мне удалось привлечь ваше внимание? – резко перебил он ее.

Арива со стуком захлопнула рот. На лице у нее все еще оставался румянец, но уголки губ изогнулись в улыбке, которую ей оказалось трудно подавить.

– Именно так вы и разговаривали с моей матерью?

– Нет, ваше величество. Она была моей наставницей во всем.

Арива услышала в голосе Оркида искреннюю печаль и почувствовала к нему жалость.

– Значит, тогда вы мой наставник?

– Нет, королева Арива. Я ваш канцлер. И нас ждут дела.

Она снова устремила взгляд на город. Листва деревьев, заполнявших сады и парки самых богатых граждан Кендры, сделалась красно-золотой, окрашивая город великолепным цветом.

– Не могу отделаться от мыслей о Линане. Я искренне верила, что он навеки умер и погребен, и когда тот наемник...

– Джес Прадо, – с некоторым отвращением произнес Оркид.

– ...Прадо сообщил мне, что он все еще жив, у меня возникло такое чувство, словно это я умерла.

– Понимаю. Я ощутил то же самое. Но нас все равно ждут дела.

– Я хочу чтобы меня избавили от него, Оркид. Мне хочется освободить мое королевство от его влияния, от его заразы.

– Он безвреден, ваше величество. Его занесло далеко к четтам, немногочисленному народу, живущему в степи и не знающему ни городов, ни армий.

– Нет, ты не прав. Пока Линан жив, он никак не может быть безвредным. Самая мысль о Линане все равно что язва, и, подобно язве, будет все разрастаться, если ее не вырезать. Он – мул, рожденный от королевы и простолюдина. И цареубийца.

Оркид глубоко вздохнул.

– Этот вопрос вам следует обсудить со своим Советом. Вам многое следует обсудить с Королевским Советом.

– И что же, по-вашему, мне посоветуют? Возможно, то же, что и вы?

– Ваше величество, возможно, я и мог бы обладать подобным влиянием на Совет, если бы не был аманитом. Советники во всем вас поддержат, но могут дать рекомендацию, выходящую далеко за рамки моих скромных возможностей.

– О, теперь вы меня дразните, – пренебрежительно бросила она. – Мать полагалась на ваши советы так же сильно, как и я. К тому же большинство советников смотрит теперь на аманитов более благожелательно.

– Потому что вы выходите замуж за одного из нас? Может быть. Арива сосредоточенно нахмурилась.

– Наверное, вы правы. Я созову Королевский Совет обсудить этот вопрос.

– Уверен, советники помогут вам выбрать правильный курс. – Добившись того, за чем пришел, Оркид повернулся к выходу. Он велит Харнану Бересарду, личному секретарю королевы, немедленно созвать Королевский Совет. Ариве требовалось усиленно потрудиться для избавления от уныния, вызванного новостью, принесенной Джесом Прадо.

– Оркид, – окликнула его Арива.

– Ваше величество? – обернулся он.

Арива провела языком по губам, казалось не решаясь заговорить.

– Есть еще что-то?

– Мой брат, принц Олио. Вы заметили в нем в последнее время что-нибудь... странное?

– Странное? – Оркид задумчиво опустил взгляд. – Он кажется чрезмерно усталым.

– И больше ничего?

Оркид покачал головой. Принц Олио? С тех пор, как во дворец прибыл Прадо, он почти не думал об этом юноше. Не упустил ли он что-то важное?

- С его высочеством что-тостряслось?
- Не знаю. Возможно мне просто мнится.
- Что именно вас тревожит, королева Арива? Я помогу, если сумею.
- Он меняется, – быстро произнесла она, словно на самом деле не хотела произносить этих слов.
- Меняется?
- Он не такой... ну, не такой милый, каким был когда-то.
- Лицо Оркида отразило его удивление.
- Милый?
- В смысле мягкий, нежный. Он часто кажется мрачным.
- Сожалею, не заметил. Если желаете, я немного разужнаю.
- Да, – кивнула Арива, – но так, чтоб он ничего об этом не проведал.
- Оркид поклонился и снова повернулся к выходу.
- И еще, Оркид. Я, может, и согласилась созвать Совет, но мое решение насчет Линана останется неизменным. Я хочу, чтобы его разыскали. И убили.

Олио находился в длинном темном помещении, заполненном тысячей коек, и на каждой койке лежал ребенок. Он посмотрел на первую – сыпь молочницы. Девочка лежала с полуоткрытыми глазами, и зрачки у нее настолько расширились, что почти вовсе не проглядывало белков; она втягивала воздух в легкие короткими тяжелыми вдохами, словно больная собака. Олио положил правую руку на лоб девочки, а левой рукой крепко сжал Ключ Сердца. Он почувствовал мягкое прикосновение мага к своему плечу, и сила хлынула через ключ в его тело, а затем в тело девочки. Сыпь испарилась, глаза закрылись, дыхание сделалось ровным, когда она погрузилась в глубокий целительный сон.

В груди у Олио появилась дыра – маленькая, словно заостренный кончик пера, но он видел прямо сквозь нее. С соседней койки раздался стон. На ней метался мальчик, расчесывая обезображивающие его лицо и руки нарывы. Олио возложил правую руку на один из нарывов; через него снова хлынула сила. Нарывы растворились, мальчик глубоко вздохнул и улыбнулся ему. Олио улыбнулся в ответ, а затем заметил, что дыра у него в груди стала шире.

Крик боли со следующей койки. Олио увидел еще одного мальчика, весь торс которого изрезали ожоги, а кожа сделалась черно-красной. Олио исцелил его. Дыра в груди расширилась, став величиной с древко копья.

Теперь все помещение наполнилось стенаниями страдающих детей. Они хлестали по нему, словно волны бушующего моря.

– Иду, иду, – успокоил он. – Дайте мне время.

Он переходил от койки к койке, исцеляя всех детей подряд, а дыра у него в груди сделалась настолько большой, что перерезала его пополам, вся ее окружность теперь уже была не видна. Олио совершенно вымотался, но дети все еще нуждались в нем.

Он все шел и шел вдоль коек, леча больных, и все это время его медленно разъедало – до тех пор, пока он, добравшись наконец до конца, не увидел, что правая рука у него замерцала, сделалась полупрозрачной, а затем вообще исчезла.

Он посмотрел на последнюю койку. На ней лежал Линан, маленький Линан, с белым и раздувшимся от пребывания в морской воде телом, с выеденными глазами, с губами, от которых остались лишь обрывки кожи.

– Брат, я исцелю тебя, – сказал Олио и возложил руку. Но никакой руки у него не было. От Олио остался лишь воздух и свет.

– О нет! – воскликнул он. – Только не сейчас! Раздувшееся тело Линана зашевелилось, и Олио увидел, как черви поедают плоть его сводного брата.

– Нет! – завопил он и повернулся бежать...

...и упал. Голова его столкнулась с чем-то твердым. Глаза открылись, и он увидел, что лежит на полу в собственных покаях. Олио застонал и попытался встать, но смог вместо этого лишь скорчиться в спазме рвоты, так ничего и не извергнув.

– О боже!..

Он оттолкнулся руками от пола и привалился к постели. В голове что-то стучало. Он прижал ладони к вискам, затем к челюсти. Во рту пересохло как в пустыне, его целиком заполнял распухший язык.

Он попытался снова встать на ноги, но согнулся пополам, так как барабанный бой в голове достиг крещендо. Он посидел на краю постели, пока этот грохот не поутих, а затем подошел к умывальнику и плеснул на лицо холодной водой. Полученный шок, казалось, в какой-то мере смыл боль.

Кто-то постучал в дверь.

– В чем дело? – проговорил он заплетающимся языком, почти совсем беззвучно.

– Ваше высочество, здесь прелат Фэнхоу хочет вас видеть. – Голос принадлежал слуге Олио. – Впустить его?

– Конечно, впустить! – крикнул в ответ Олио. Сколько раз надо втолковывать этому болвану, что Эдейтору Фэнхоу никогда не следует препятствовать заходить к нему? Он поднял взгляд на дверь, уловил свое отражение в зеркале над умывальником. И сперва не узнал увиденного лица.

– Нет, подожди! – попытался крикнуть он, но смог лишь что-то прохрипеть. Да и все равно было уже поздно. За дверью послышались шаги поспешившего привести прелата слуги.

Он плеснул еще воды на лицо и снова посмотрел в зеркало. Глаза красные, а кожа такая бледновато-желтая, что походила цветом на старинную слоновую кость. А из-за двухдневной щетины он выглядел как разбойник, а не принц королевства.

В дверь снова постучали, и она открылась. Вошел прелат Фэнхоу и закрыл за собой дверь. Олио втянул голову в плечи.

– Ваше высочество, с вами все в порядке?

– Просто устал, Фэнхоу, – кивнул Олио.

– Рад это слышать. Мне зайти попозже?

– Да, – слабо произнес Олио, а затем быстро поправился: – Нет. Нет, оставайтесь.

И встал, выпрямившись, чтобы прелат увидел его лицо. Эдейтор побледнел.

– Ваше высочество! Что с вами?

– Мне плоховато спится.

– У вас такой вид, словно вы месяц не спали.

Олио заставил себя улыбнуться.

– Действительно н-настолько п-плохо? Надо б-буцет п-перестать есть эту дорогую дворцовую еду.

Эдейтор не ответил на его улыбку.

– Вы хотите сказать, пить это дорогое чандрийское вино.

Веселое выражение на лице Олио исчезло, сменившись смесью потрясения и гнева.

– Как вы смеете!..

– Если мне нельзя сказать это вам в лицо, принц Олио, то кому же можно?

– В-вы слишком м-много на себя б-берете...

– Несомненно. Вы пили прошлой ночью?

– Не понимаю, какое вам д-дело до этого.

Эдейтор ничего не сказал. На лбу у прелата выступил пот, и его почти одолело тоскливое сосание под ложечкой, убедившее Эдейто-ра, что принц и вправду пил.

– Я даже не люблю вина, – продолжал миг спустя Олио. В голосе его теперь звучал приторный гнев. – И редко пью. Я не могу... – Он дал голосу стихнуть.

Эдейтор сглотнул.

– Не можете удержаться, ваше высочество?

– Я совсем не это хотел сказать! – выпалил Олио. – Если рта не можешь раскрыть, не предъявляя мне н-нелепых обвинений, то лучше уж вообще не раскрывай его.

Эдейтор развел руки жестом, который мог бы сделать взывающий к суду.

– Мой господин, я не собирался оскорблять вас...

– По вашим словам этого не скажешь.

– *Я НЕ СОБИРАЛСЯ* оскорблять вас. Мы с вами вместе участвуем в великом эксперименте во благо нашего королевства, и я вас уважаю и восхищаюсь вами больше, чем каким-либо другим известным мне человеком, но когда вижу вас таким – это разрывает мне сердце. – Эдейтор снова сглотнул, на этот раз – сдерживая слезы. Тон принца сильно уязвил его, но он стыдился проявить это чувство.

Олио зевнул и оперся рукой о умывальник. Рукав его окунулся в воду, и он рассеянно посмотрел на него.

– Это я тебя оскорбил.

– Нет, ваше высочество...

Олио взмахом руки велел ему замолчать.

– Н-не возражай. Мы не можем позволить себе притворства друг с другом. – Он на миг закрыл глаза, и когда открыл их, то они показались Эдейтору вдвое краснее, чем раньше. – Возможно, я и п-по-творствую иной раз своим слабостям, д-друг мой, но прежде я тебе не солгал. Мне плохо спится. Я вижу ужасные сны. Вино помогает мне заснуть. И оно же помогает забыть сны, когда я все-таки засыпаю.

– Сны о ваших исцелениях?

У Олио побелело лицо.

– Откуда ты знаешь?

– Мы имеем дело с великой магией, ваше величество. Те, кто занимаются ею, часто страдают от последствий. Некоторые из магов, поручившие мне помогать вам, жаловались в точности на то же самое. Сны эти всегда заканчиваются плохо, горем и неудачей.

– Да, да. Именно так.

– И вино тут не поможет, – тихо добавил Эдейтор.

Олио провел пятерней по волосам. Ломота в висках ослабла, но не прекратилась.

– Клянусь тебе, Эдейтор, дело не в вине.

– В вине или же в магии, но вам нельзя продолжать в подобном духе.

– Н-но все те больные! Что они будут делать?

– Исцеляться сами, как часто и поступают. Когда мы открыли клинику, то должны были лечить только умирающих, и только умирающих от несчастных случаев, а не от старости. Я знаю, что вы лечите всех детей, какие к нам приходят.

– Я не м-могу вынести в-вида их страданий.

– Мы все страдаем, ваше высочество. Таков, в конечном счете, наш жизненный удел. Но если вы будете и дальше помогать всем, кого к нам приводят, то боюсь, настанет время, когда вы никому не сможете помочь, даже тем, кто сильнее всего нуждается в вашей целительной силе.

– Ты прав, – вздохнул Олио. – Сегодня утром я сам себя не узнал. И сны становятся все хуже. Они всегда заканчиваются... – он не смог договорить.

– Чем, ваше высочество?

Олио покачал головой.

– Н-неважно. – Он снова улыбнулся. – Обещаю п-позаботиться о себе, Эдейтор. Я отдохну. И буду больше спать.

– Думаю нужно не просто выспаться, – предупредил его Эдейтор. – Вы должны какое-то время не пытаться больше исцелять. Вам надо прекратить пользоваться Ключом Сердца.

– Прекратить пользоваться им? Ты это наверняка не всерьез.

– Никогда не говорил серьезней. Именно он источник ваших кошмаров и недомоганий.

– Н-но я не могу прекратить, Эдейтор. Ты сам это знаешь.

– Лишь на некоторое время. Ровно настолько, чтобы вы восстановили силы.

– Сколько на это потребуется времени?

– Вы молоды. Думаю, долго ждать не придется. Но когда вы будете достаточно здоровы, чтобы возобновить исцеление, оно должно проходить так, как мы договаривались: помогать только тем, кому грозит смертельная опасность.

– Это довольно сурово с твоей стороны.

– Только тем, кому грозит смертельная опасность, – еще строже повторил Эдейтор.

– Ладно, друг мой, – устало кивнул Олио. – Как скажешь. Даю тебе слово.

– Мне не нужно вашего слова, ваше высочество. – Эдейтор подошел к принцу и положил руку ему на плечо. – Я вам доверяю.

Джес Прадо потянулся всем телом, морщась от боли, когда сократились мышцы.

– Но это лучше, – простонал он сквозь зубы. Обмякнув, он осел в кресло и принялся сжимать и разжимать кулаки. Боли уже почти не ощущалось. Он постоянно упражнялся с мечом с тех пор, как ему обработал раны личный хирург королевы, доктор Трион. «Странный старикан, – подумал Прадо, – но знает свое дело. Жаль, раньше в моем отряде наемников не было кого-нибудь вроде него».

Он снова встал и медленно оделся. Королева выдала ему новую одежду взамен изорванной в ключья в ходе приключения нынешним летом. Прадо поморщился, вспомнив, как похитил принца Линана из-под носа у его спутников, а затем в последнюю минуту ему помешал доставить пленника в целости и сохранности другой капитан наемников по имени Рендл. И вспомнил ярость Рендла, когда и тому не удалось сохранить пленника. И как жестоко после этого Рендл обошелся с ним, истязая и постоянно угрожая его убить. Вспомнил долгое, опасное и изматывающее бегство из когтей Рендла в далеком северном королевстве Хаксус, всю дорогу обратно до Кендры, где он и прибыл во дворец Аривы – скорее мертвым, чем живым.

«Рендл, сукин ты сын. В один прекрасный день я найду тебя и выпущу тебе кишки, пока ты еще не перестал дышать».

И этот прекрасный день скоро наступит, напомнил себе Прадо, если молодая королева согласится с его планом. Но как же ее убедить дать ему армию? Эта проблема беспокоила его с тех самых пор, как он прибыл в Кендру, но за последние несколько дней в голове у него постепенно сложился некий план. Способ существовал, но требовалось преподнести идею нужным людям и нужным образом.

Он подошел к окну. Из комнатухи в одном из углов дворца ему была видна арена, где упражнялись королевские гвардейцы. Солдаты тренировались во владении мечом под бдительным оком своего нового коннетабля, Деджануса.

«Никак не думал, что когда-нибудь увижу кого-то покрупнее прежнего коннетабля, – признался про себя Прадо. – Камаль против Деджануса. Да, увидеть такое – это было бы нечто».

Он продолжал с завистью наблюдать за тренирующимися гвардейцами. Будь у него пятьдесят таких молодцов, он бы тут же отправился напрямик к лагерю Рендла и вырезал весь его отряд. Хотя нет, это значило бы просить слишком многого.

Но сперва Линан, напомнил он себе. Линан был ключом ко всему. Мысль эта показалась ему болезненно забавной. Подумать только, этот бесполезный щенок невольно помогает ему отомстить Рендлу. Он вдруг сообразил, что Линан действительно должен сыграть центральную роль в задуманном плане. В конце концов, много месяцев назад все началось как раз с него.

Прадо гадал, не следует ли ему дать принцу прожить достаточно долго, чтобы увидеть смерть Рендла. Ему никак не повредит пленник королевской крови – неважно, насколько сильно впавший в немилость – в случае, если все пойдет наперекосьяк.

«Да, – подумал он. – Возможно, я дам принцу еще пожить. Немного».

ГЛАВА 3

– Наилучшая стратегия ясна, – сказал Камаль, прохаживаясь медленным твердым шагом вокруг бивачного костра и собравшейся около него маленькой группы. Гудон и Эйджер следовали за ним взглядами, в то время как Коригана не сводила пристального взора с пламени костра. Камаль расхаживал, сцепив руки за спиной и задумчиво опустив голову. – Набираем здесь, на востоке Океанов Травы, армию. Мы неподалеку от ущелья Алгонка, а за ним Хаксус и Хьюм. Здесь у нас есть возможность наблюдать за врагами, и нам не понадобится далеко идти, когда мы будем готовы выступить.

– Нет, – возразила, не отрывая взгляда от пламени, королева Коригана. – Это не самый лучший путь.

Камаль прекратил расхаживать и посмотрел на нее. Она была молода, не намного старше Линана, но по тому, как она держалась, Камаль видел, что Коригана была уже опытным воином. Когда Камаль впервые повстречал ее, то заметил на левой руке рваный шрам от удара мечом, еще достаточно недавний, чтобы ярко выделяться на фоне ее золотистой кожи. Но при всем при том она не обладала его военным опытом.

– Нам обоим доводилось сражаться во многих битвах, – сказал он ей. – О да, я это вижу. Но сколько войн вы повидали?

– Мне было пятнадцать, когда я убила своего первого воина, – с вызовом ответила она.

Камаль кивнул.

– Война с Хаксусом или Грендой-Лир будет совсем иным делом. Я воевал с Хаксусом и сражался за Гренду-Лир почти всю жизнь. Я их знаю. И говорю вам, что нам нужно держаться поближе к их границам; когда придет время выступить против той или иной страны, мы должны выступить быстро.

– Нет, – повторила Коригана.

– Не могу поверить, что слышу это от вас, – недоуменно произнес Камаль. – Ведь вы же четтка; а никто лучше четтов не понимает, как важна мобильность.

– Это правда, – кивнула Коригана. – Но ты упорно думаешь о предстоящей борьбе как о чисто военной задаче. А она не просто военная.

– Что вы имеете в виду?

– Я полностью поддерживаю принца Линана. Мой народ очень уважает того, кто владеет Ключом Единения, а также очень уважает сына Элинда Чизела. – Она посмотрела на Камала. – А также прославленного капитана его Красных Щитов. Но моя поддержка ничего не будет значить, если меня, в свою очередь, не поддержат северные четты.

– Но вы же их королева! – возразил Эйджер. Коригана и Гудон переглянулись. Эйджеру не понравилось то, что он прочел в их взглядах. – Вы ведь их королева, не так ли?

– О да, – подтвердил Гудон, – она определенно наша королева.

– Тогда в чем тут сложность? – настойчиво спросил Камаль.

– Моя родственница – королева только по названию. Все четты, которые принадлежат к ее клану, клану Белого Волка, – Гудон развел руки в стороны, как бы охватывая весь лагерь, – последуют за Кориганой, если она их попросит, даже через Разделяющее море. Но северные четты состоят из многих кланов, и не все из них столь же рьяно пойдут за ней.

– Правда заключается в том, что некоторые из вождей тех кланов желали бы сами быть королями или королевами вместо меня, – добавила Коригана.

– Но ведь ваш отец объединил их.

– Отец объединил четтов вопреки их воле. Тогда у нас было общее дело: разгром работяг. А коль скоро ваш Генерал разгромил их, некоторые из кланов сочли, что монарх четтам больше не нужен.

– Но ведь угроза никуда не делась, – настойчиво указал Камаль. – Прадо и Рендл вернулись.

– Те вожди кланов, которые более всего настроены против меня, не станут полагаться в этом на мое слово. Они подумают что я лгу, желая остаться их королевой.

– Так что же вы предлагаете?

– Чтобы мы перебрались на зиму в Верхний Суак. Кланы собираются там торговать и заключать браки. И там же со времен моего отца монарх совещается с вождями кланов. В прошлом году несколько кланов создали оппозицию трону, но большинство предпочло видеть на троне королеву, которую они считают наивной и подвластной их воле, а не одного из нынешних глав кланов.

– В том-то и состоит сложность, – сказал Гудон. – Если вы хотите набрать армию четтов, вам понадобится не только наш клан. Но если Коригана попытается поднять на войну другие кланы, у ее врагов будет больше оснований сместить ее.

– Решение тут простое и очевидное, – указал ровным тоном Камаль. – Оставаться здесь на востоке, наблюдая за ущельем Алгонка и совершая набеги на врагов. Слух об этом постепенно распространится среди всех кланов и они в конечном итоге присоединятся к нашему общему делу.

– Камаль, а сколько у вас в запасе лет? – спросила Коригана.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, сколько у вас еще времени, прежде чем всем в Гренде-Лир станет наплевать, жив Линан или умер, позабыт или восстановлен в правах? Если у них будет десять лет мира и процветания при новой королеве, то какие у вас шансы настоять на обвинениях, выдвигаемых Линаном против тех, кто убил его сводного брата короля Берейму? Потому что для сбора армии предлагаемым тобою способом потребуется лет десять.

– И что же вы нам предлагаете делать? По вашим словам, кланы скорей сместят вас, чем последуют за вами на войну.

– Отправиться в Верхний Суак *ВСЕМ* нам. Я попытаюсь сплотить кланы, но если они заколеблются, то нашим ключом будет Линан. Ему они поверят.

– Ему там будет грозить опасность? – спросил Камаль.

– Никто не причинит вреда сыну Элинда Чизела, – заявила Коригана.

– Даже если это будет означать избавление от вас?

Коригана пристально посмотрела ему в глаза, но ничего не сказала.

– Тогда еще раз скажу: решение у нас простое. Остаемся здесь. Совершаем набеги. Отправляем к другим кланам посланцев, а также подарки, добычу, все, что потребуется, дабы заставить их поддержать наше дело.

– Ты не понимаешь четтов. Подарки и добыча – дело хорошее, но ими не накормить наш скот, они не принесут дождей в Океаны Травы и не управляют временами года. Нам нужно общее дело, и Линан может дать нам это общее дело.

– Вы хотите сказать, что Линан может закрепить за вами трон, – резко бросил Камаль. И еще произнося эти слова, понял, что перегнул палку. Вокруг костра внезапно воцарилось холодноватое молчание.

– Не нужно было этого говорить, Камаль, – произнес Эйджер.

– Эйджер прав, – кивнул Камаль. – Прошу прощения, ваше величество. Вы такого не заслуживаете.

– Лучше было оставить это невысказанным, – согласился Гудон.

– И все же Камаль прав, – сказала Коригана. – Мне действительно нужен Линан для укрепления своего права на трон. – Она не отрывала глаз от Камала. – Но разве вам не нужна моя поддержка для того, чтобы закрепить за Линаном трон Гренды-Лир?

Вскоре после наступления темноты Линан притворился крайне усталым и удалился в свой шатер. Ему требовалось побыть одному. Он попытался подумать о будущем, о том, что же необходимо предпринять, чтобы вновь оказаться в Кендре, вернуть Дженрозу в Теургию, восстановить Камалю в звании коннетабля, Эйджера – в звании капитана, а его самого – в правах принца королевства. И, самое главное, что именно нужно сделать для отмщения за убийство Береймы.

Принимала ли Арива участие в заговоре? Он не мог поверить, что его сводная сестра могла так поступить. Она любила Берейму, да и в любом случае не сделала бы ничего, нарушающего последнюю волю Ашарны. Но как же еще убийцы могли надеяться, что цареубийство сойдет им с рук? Ни Оркид, ни Деджанус, которые и совершили это деяние, не могли надеяться сами взойти на трон. Для наследования короны им требовался один из детей Ашарны, но они убили Берейму и попытались убить Линана. Ему ни на миг не приходило в голову, что они попытались бы посадить на трон Олио. Значит, оставалась только Арива. Действительно ли она поверила утверждениям Оркида и Деджануса, что Линан убил родного брата? Или она с самого начала участвовала в заговоре?

Как он ни пытался, никак не удавалось разобраться с этой запутанной историей. И еще кое-что занимало его мысли. Иногда лишь нечто мимолетное, как вспышка света – то ликование, которое он ощутил, когда сломал шею степному волку, – а в иные моменты он словно заново переживал всю охоту.

Линан не знал, что именно произошло с ним в тот день. Помнил только, что когда жизнь Гудона подверглась опасности, все его существо наполнила горячая ярость – неохватная, как летняя гроза. Помнил, как пришпорил лошадь, вырываясь из общей группы, как спрыгнул наземь и кинулся к волчице. Но он не знал, *как* произошло что-либо из этого. И не знал, откуда взялась у него та огромная сила.

Линан встал. Выглянув из шатра, увидел несколько горящих костров. Вокруг некоторых сидели люди. А еще с высоты холма, на котором они разбили лагерь, были видны просторы слегка всхолмленной степи. Где-то вдалеке он различил купы деревьев. Гудон называл их стреловниками. Линану удалось разглядеть даже отдельные листья, столь же острые и смертельные, как оружие, в честь которого их называли. Хотя днем он едва видел, даже прищурясь, ночью его зрение делалось не хуже, чем у ястреба. Он вышел из шатра. Неподалеку лежал большой валун. Линан нагнулся и попытался поднять его. Валун не шелохнулся. Он с таким же успехом мог попытаться сдвинуть весь мир. Какой бы силой он ни обладал во время схватки с волчицей, теперь она исчезла. Он снова был всего лишь обыкновенным Линаном.

Лунный свет отразился от бледной кожи его руки. «Теперь уже не совсем прежний обыкновенный Линан», – подумал он. И никогда больше не будет прежним.

Он вдруг насторожился. Огляделся кругом, но не увидел ничего необычного. Что же тогда привлекло его внимание?

Принц наострил уши, но услышал только фыркание лошадей, похрапывание четтов, неотчетливое бормотание ведущегося поблизости разговора, потрескивание пламени костров. А также чувствовал запах дыма костров и лошадиных шкур. И еще что-то.

Вот оно. Тот запах. Он медленно повернулся. Там, на северо-западе. Он *знал* этот запах, совсем недавно сталкивался с ним. Карак. Линан втянул носом воздух. «Один карак», – уверенно определил он.

А затем новое ощущение. Сродни голоду, но более сильное и свирепое.

Он быстро зашагал к источнику запаха. Прошел мимо одинокой караульной, которая поклонилась ему. Линан перешел на рысь. Караульная что-то крикнула ему вслед. Он взмахом руки велел ей помалкивать, и она замолчала. Через несколько мгновений он почти скрылся из виду со стороны лагеря. Принц заколебался. Часть его хотела вернуться в шатер, отдохнуть, но другая часть, более могучая и настойчивая, гнала его дальше.

При последнем замечании Кориганы Камаль с Эйджером лишились дара речи.

– Не хотите же вы сказать, что вовсе не собираетесь сделать его правителем Гренды-Лир вместо Аривы? – недоверчиво спросила она.

– Конечно, не собираемся, – ответил Камаль, в голосе которого звучало скорее замешательство, чем праведное негодование. – Арива была следующей по старшинству после Береймы. А после нее идет Олио, ее брат. Возведение на престол Линана никто бы не одобрил.

– Четты одобрили бы, – возразила ровным тоном Коригана.

– Линан – королевского происхождения, – добавил Гудон. – Его несправедливо объявили вне закона. Те же, кто на самом деле убил его брата, теперь правят, стоя за тронном, а Арива если и не была замешана в убийстве Береймы, то определенно выгадала от него.

– Но мы не уверены, что Арива была осведомлена о заговоре убийц, – возразил Эйджер. – Ее короновали потому, что она стояла следующей в ряду наследников.

– А она предоставила Линану амнистию, чтобы дать ему возможность защищаться перед судом? – осведомился Гудон.

– Ну нет...

– Тогда, возможно, она не желает слышать того, что может сказать Линан.

– Это нелепо...

– Нелепо другое, – перебил Гудон. – А именно – то, что никто из вас не попытался заглянуть вглубь. Неважно, виновна Арива в соучастии в заговоре или нет. Это больше не имеет значения. Враг Линана теперь *ОНА*, а не убийцы Береймы, сколь бы справедливым ни было желание разоблачить их злодеяния.

– Линан никогда не будет в безопасности в Гренде-Лир, пока не коронуется, – добавила Коригана. – А что до того, какие к тому основания... В его жилах течет королевская кровь, на его стороне расположение четтов – а также, судя по тому, что рассказал мне Гудон, расположение правителя и народа Чандры. У Линана один из Ключей Силы, Ключ Единения, Ключ, который представляет все провинции королевства за пределами самой Кендры.

– Мы забегаем вперед, – сказал Камаль. Эйджеру подумалось, что выглядит великан каким-то внезапно посеребрившим, а в голосе его зазвучала неуверенность. – Нам надо решить, что делать *СЕЙЧАС*, а не в грядущие годы.

– В таком случае разве здесь не следует присутствовать и Линану? – спросила Коригана.

– Мы с Эйджером всегда давали ему советы. Когда все мы решим, каким будет для нас наилучший курс действий, то ознакомим его с ним.

– Вот так, значит, и вершатся дела в Гренде-Лир? – расширила глаза Коригана.

– Линан еще молод, – терпеливо объяснил Камаль. – Никто не ожидал, что он унаследует трон, и поэтому его никогда не обучали править или вести за собой людей. Он должен обучиться этому под нашим руководством.

– Вообще-то обучаться лучше по ходу дела, – высказал мнение Гудон.

– В надлежащее время и надлежащим образом, – кратко отозвался Камаль.

Когда они снова вернулись к обсуждению того, следует ли клану откочевать на запад и провести зиму в Верхнем Суаке или оставаться на месте, Эйджер поймал себя на том, что больше не прислушивается к словам собеседников. Он встал, извинился и вышел в ночь.

Слова Кориганы и Гудона потрясли его, так как мысль о том, чтобы Линан сам сделался королем, ни разу не приходила ему в голову – но чем больше он об этом думал, тем логичней ему казались выводы четтов. Эйджер не согласился с ними – против этого восставали его воспитание и подготовка преданного Гренда-Лиру солдата, но он видел смысл в приведенных доводах.

Он повернул обратно к остальным. Костер тускло мерцал в темноте, гигантский силуэт Камала отбрасывал на лагерь сверхъестественную тень.

Линан заставил себя повернуть назад.

«Да что я делаю? Я принц королевства, а не зверь в ночи».

Он сухо посмеялся над собственной гордостью. Ничего себе принц королевства: изгнанник в Океанах Травы, с будущим, в котором мог углядеть надежду только величайший оптимист, а теперь еще и донимаемый желаниями, которые были отнюдь не человеческими. Ариву это, конечно, не удивило бы, она всегда считала его недочеловеком. Ему живо помнился их последний разговор на южной галерее дворца всего за несколько часов до убийства Береймы; он тогда увидел по ее глазам, что именно она на самом деле думала о нем.

Вместе с этим воспоминанием пришел и очень даже человеческий гнев, и это чувство изгнало последние остатки его неестественного голода. «Именно так я справляюсь с этим, – с удивлением подумал он. – Ни на миг не забывая первопричину моего изгнания и преобразования».

С этой возобновившейся, хотя и не полностью восстановленной уверенностью в себе Линан прошел обратно мимо караульной в лагерь. Добравшись до своего шатра, он посмотрел на восток, в сторону цивилизации, в сторону своих врагов. Он представил Ариву в тронном зале, считающую его погибшим и радующуюся этому, и убийц Береймы около нее.

Если б только она знала, что с ним стало на самом деле!

Он уже собирался зайти в шатер, когда заметил стоявшего в одиночестве Эйджера. Подойдя к нему, Линан положил руку ему на плечо.

– Я думал, ты давно уже спишь, – сказал он горбуну. – На сегодняшней охоте ты разволновался как ребенок.

– Давно уже не испытывал такого удовольствия, – застенчиво улыбнулся Эйджер. – С самого начала Невольничьей войны.

– Другие еще не легли? Где Гудон?

– С Кориганой.

– А, – неправильно истолковал его слова Линан. – Тогда не буду ему мешать.

После Эйджер так и не мог толком объяснить, что же заставило его вслед за тем добавить:

– И с Камалем.

– И с Камалем? – недоуменно моргнул Линан. – Понятно. И ты тоже был с ними.

Эйджер кивнул.

– А почему мне не сообщили?

– Ты ушел к себе в шатер. Сказал, что совсем вымотался.

– Могли бы подождать до завтра.

– Линан, все совсем не так...

Но Линан уже не слушал. Он круто повернулся и направился к шатру Коригоны.

– Линан, подожди!

Но Линан не обратил на него внимания. Приблизившись к шатру, он увидел королеву четтов сидящей с Гудоном и Камалем у костра. Увидев его, они прервали разговор. Он улыбнулся им, но ничего не сказал.

– Не смог уснуть, малыш? – спросил Камаль. Губы его были плотно сжаты, а кожа казалась тонкой и морщинистой.

– Судя по твоему виду, тебе тоже не помешал бы сон, – ответил Линан.

И подождал.

Трое других беспокойно переглянулись. Затем к ним присоединился слегка запыхавшийся Эйджер.

– Где ты был? – требовательно спросил его Камаль.

– Мне требовалось прогуляться, – пожал плечами Эйджер.

– Прогуляться? Мне бы не помешала твоя поддержка...

– Поддержка в чем? – перебил его Линан.

Камаль бросил взгляд на Линана, затем на Эйджера, но Эйджер решительно уперся взглядом в землю.

– По правде говоря, маленький господин, речь шла о деле не особо важном, – легковесным тоном сказал Гудон.

– О погоде?

Напряжение в лице и повадке Линана подсказало Гудону, что принц не в настроении обмениваться шутками.

– Нет, ваше величество.

– Я не «величество», Гудон. Официально я «ваше высочество». По-моему, Арива все еще королева.

Гудон, подобно Эйджеру, принялся сверлить взглядом землю. Линан поймал взгляд Камала и удержал его.

– Мой друг. Самый старый мой друг. О чем вы толковали?

Камаль стиснул челюсти.

– Это мы можем обсудить позже, Линан.

– Нет, – отрезал тот ровным тоном.

– Мы обсуждали, что нам следует делать дальше, – сказала вдруг Коригана и поднялась на ноги. Подойдя к Линану, она встала прямо перед ним. Линану пришлось поднять взгляд, чтобы посмотреть ей в лицо. – На самом-то деле мы *СПОРИЛИ* о том, что нам следует делать дальше.

– Нам? Вы имели в виду – мне, не так ли?

– Линан, тебе незачем из-за этого беспокоиться, – вмешался Камаль. – Мы с Эйджером собирались утром рассказать тебе обо всем, что здесь обсуждалось нынче ночью.

Линан оставил его слова без внимания.

– И о чем же шла речь – виноват, спор?

– О том, следует ли нам оставаться здесь, на востоке Океанов Травы, и быть неподалеку от Хаксуса и Хьюма, или отправиться к Верхнему Суаку и привлечь к твоему делу весь народ четтов.

– Камаль хотел, чтобы мы оставались здесь, – сказал Линан, не спрашивая, а утверждая.

– Да.

Линан посмотрел на Гудона.

– А ты? На чьей ты стороне?

– Веские доводы есть у обеих сторон, – пожал плечами Гудон. – Но я поддерживаю мою королеву.

– А ты? – повернулся Линан к Эйджеру.

– Я склоняюсь на сторону Камала, ваше высочество.

– А Дженроза? Она участвовала в этом обсуждении? На чьей она стороне?

– У нее нет никакого опыта в подобных делах, – грубовато бухнул Камаль.

– Видимо, так же, как и у меня – хотя и она, и я заслуживаем того, чтобы нас все же поставили в известность, не так ли?

– Конечно, малыш, но мы не принимали никаких решений...

– За исключением того, какой курс действий мне следует выбрать.

– Все было совсем не так.

– Да всегда было именно так, Камаль. Я помню свои разговоры с тобой и Эйджером до того, как меня похитил Джес Прадо. «Линан, мы думаем, эта тактика будет наилучшей. Если ты не согласен, мы тебя не поддержим».

– Да никогда такого не было! – возразил ошеломленный Камаль.

– Именно так все и было, – без злобы повторил Линан. – Но я изменился, Камаль. Такое случается, когда тебя похитят, изрубят на куски и вернут с порога смерти. – Он повернулся и зашагал прочь, не оглядываясь бросив через плечо: – Утром мы отправляемся в Верхний Суак.

После ухода других Камаль остался у костра. Эйджер заколебался было, но Камаль взмахом руки отослал его прочь, и он ушел, ничего не сказав.

– Ну, это был поворотный пункт, – тихо произнес про себя Камаль. Он ощущал гнев и стыд – сочетание, приведшее его в замешательство. Он всегда был уверен, что Линан в один прекрасный день станет самостоятельным и как принц, и как мужчина; но это произошло так внезапно и на такой лад, что застало его врасплох.

Он понял, что неправильно поступил, не подключив мальчика к обсуждению, но был уверен, что Линан принял решение в гневе. Если б только Камаль устроил все получше, Линан наверняка в конце концов склонился бы к его точке зрения.

«Это не то решение, какое принял бы его отец, – удрученно подумал он. – Генерал бы понял, насколько разумно оставаться поблизости от врага».

Но Линан был не таким, как его отец – во всех смыслах. Проявивший себя в бою, но еще не на войне, наследник скверного наследия, но также и наследник самого великого трона на континенте Тиир, жертва несправедливого суда, объявленный вне закона, Линан был чем-то намного большим и намного меньшим, чем когда-либо бывал его отец. Там, где Элинд Чизел был прям и прост, Линан был загадкой.

И все же Камаль подозревал, что Линан мог оказаться даже более великим. «Он также и мой сын».

Камаль не мог больше смотреть в будущее с той же уверенностью, какой некогда обладал. Всякая уверенность ушла из его жизни, ее сменили лишь смутные надежды. Эта мысль обеспокоила Камалю; он знал, что некогда его взволновал бы такой вызов как необходимость идти навстречу неизвестному.

И Линан – он впервые пренебрег его мнением. Это тяготило Камалю больше всего остального. Он чувствовал себя отвергнутым, и это ощущение вызывало у него гнев на собственную ребячливость и жалость к себе.

Камаль подбросил дров в костер, наблюдая, как тот разгорается все ярче и ярче.

Он мысленно покорился судьбе.

«Да будет так. Будущее теперь темно для меня, но я не дам Линану вступить в него в одиночку».

ГЛАВА 4

Солнце склонилось к закату, и Кендра сделалась золотым городом.

– Это небо – цвета моей любви к тебе, – промолвил Сендарус.

Арива покосилась в его сторону и увидела улыбку, которую он пытался скрыть.

– Я слышала более благозвучные песни даже от ворон, – отозвалась она.

– Но никакие вороны не любили тебя так, как я.

– Ах, прекрати это, – покачала головой Арива. – Тебе не нужно доказывать мне, что у тебя есть чувство юмора.

Сендарус поднялся с каменной скамьи, на которой они с ней сидели, и опустился на колени перед Аривой.

– Но есть столько всего, что я хочу доказать тебе, – серьезно произнес он, взяв ее за руки.

– У нас будет на это время. Целая жизнь.

– Ее не хватит.

Она поцеловала его в лоб и высвободила руки из его пальцев.

– Придется ей быть долгой. Ты получил послание от своего отца?

– Неужели мы всегда должны обсуждать дела, когда остаемся наедине друг с другом?

– Лучше разобраться с делами, чтобы они нам не мешали.

– Ты, бывало, относилась к ним более легкомысленно.

– Прекрати, Сендарус, – коротко велела она. – Если ты хочешь сыграть свадьбу так сильно, как утверждаешь, то сможешь мне устранить последние препятствия. Совет хочет получить от Амана соглашение, подписанное твоим отцом, прежде чем его члены полностью поддержат наш союз. Особенно это волнует Двадцать Домов.

– Да ты же нисколько не считаешься со своей знатью, – возразил Сендарус. – С чего вдруг возникла эта внезапная потребность умиротворить Двадцать Домов?

– Я питаю большое уважение к ним и к их влиянию в королевстве.

– А почему ты так озабочена поддержкой Совета? В конце концов, он же назначен тобой, а не кем-то. Ты можешь распустить его в любое время, когда захочешь. Я слышал, как ты заявляла об этом советникам прямо в лицо.

Арива потрепала его по щеке.

– Совет и ожидает от монарха, чтобы тот время от времени угрожал ему. Это считается хорошим тоном. Но вот оставлять без внимания его рекомендации – это уже дурной тон, а Совет рекомендует добиться от твоего отца гарантии, что мой брак с тобой не дает Аману никаких прав наследования престола кем-либо, кроме нашего с тобой потомства.

– Ну что за судейское выражение для именованья детей, которых мы будем растить! «Потомство»! Такое слово подходит для государственных дел.

– А наши дети, нравится нам это или нет, и будут государственным делом.

– Только не для меня, – покачал головой Сендарус.

Арива уже хотела согласиться с ним, но внезапно осознала: скажи она, что для нее это тоже будет делом личным, она солгала бы. Это осознание удивило и испугало ее. Она не сомневалась, что будет любить своих детей, но не было сомнений и в том, что как королева будет в полной мере использовать их для блага своего королевства. «Как поступала моя родная мать с Береймой, а под конец жизни, через Ключи Силы, пыталась использовать всех нас, даже Линана».

– Так ты получил послание от своего отца? – снова спросила она. Сендарус присел рядом с ней, лицо его тоже сделалось серьезным.

– Пока нет. Я ждал его на прошлой неделе, но оно еще не пришло.

– Ты не думаешь, что твой отец...

– Не согласится? Нет. Но, возможно, он попросит уступок в других областях. В душе он политик.

– Каким ему и следует быть. Ведь он же правитель.

Сендарус покосился на Ариву.

– Думаю, он встретит в твоём лице достойного соперника.

– По иронии судьбы.

– Почему?

– Потому что один из моих учителей – его брат, мой канцлер.

Сендарус рассмеялся, и смех этот был таким заразительным, что его подхватила и Арива.

– Рад видеть, что вы довольны, ваше величество, – произнес голос у них за спиной.

Парочка обернулась и увидела Оркида, стоящего с таким же суровым видом как всегда.

Оба рассмеялись еще сильнее.

– Как приятно вашему скромному слуге быть источником веселья для ваших царственных особ, – произнес он деревянным голосом, без всякого следа сарказма.

– Да полно, Оркид, не принимайте близко к сердцу, – легко отозвалась Арива, и подошла к нему. – Для меня вы больше, чем слуга.

– Ах, какое облегчение, – вздохнул Оркид.

– Ну и ну! Оркид, да вы, по-моему, действительно пытались сострить.

– Пытался? – мрачно переспросил он. – Вообще-то, я служу у вас канцлером, а не шутком.

– Идемте, присядьте с нами. – Она взяла его за руку и увлекла к каменной скамье. – На самом деле мы обсуждали государственные дела – в частности, относящиеся к твоему брату. Почему он не прислал свое согласие на условия Совета для заключения брака?

– Как мне представляется, он придумывает какой-то способ заключить на этом выгодную сделку.

– Именно так и сказал Сендарус. Вы, аманиты, все мыслите одинаково.

– Я явился в связи с другим делом. Столь же безотлагательным.

Арива подняла бровь:

– Какое дело может быть таким же важным, как мой брак?

– Дело вашего брата, ваше величество, отверженного принца Линана.

– А!.. – Веселость ее как рукой сняло. Она осела на скамью рядом с Седарусом.

– Вы просили меня заняться этим делом. Мне кажется, что появилась возможность его решения.

– В каком смысле?

Оркид громко позвал кого-то:

– Можешь теперь подойти!

Миг спустя откуда-то появился Джес Прадо и встал рядом с ним. Королева изучила его взглядом. Сейчас он выглядел в сто раз лучше, чем в первый раз, когда она увидела его у себя в покоях несколько недель назад, но в его глазах, в плотно сжатых губах по-прежнему проглядывало что-то суровое и жестокое; угроза ощущалась и в том, как он стоял – словно кот, готовый броситься намышь.

– Когда мы встретились впервые, ты принес мне плохие новости, – произнесла ровным тоном королева. – Надеюсь, на сей раз у тебя есть для меня нечто получше.

– Желал бы не быть тем, кто принес вам такие дурные вести, – но думаю, я могу предложить вашему величеству лечение для этой особенной раны.

Арива бросила взгляд на Оркида, но лицо того ничего не выдавало.

– Продолжай.

– Вам известно о моем прошлом?

– Конечно, – ответила она, не скрывая отвращения.

– Тогда я предлагаю вам воспользоваться им.

– Я не потерплю воскрешения работорговли в моем королевстве, – негромко заявила она.
– Вам и не нужно, – быстро ответил Прадо. – Но вот *наемники* все еще по-своему полезны. Вы даже сейчас берете их служить на границе с Хаксусом.

– В небольшом числе.

– Позвольте мне собрать прежний отряд и дайте ваше разрешение набрать еще бойцов. Я готов разыскать и захватить для вас в плен принца Линана.

– Мне нужно чтобы его убили, а не захватывали в плен.

– Это еще проще.

От его слов по спине у Аривы пробежал холодок. Она справилась с дрожью, устыдившись своей реакцией.

– А вы какого мнения? – спросила она у Оркида. Тот просто кивнул. – У вас есть какие-то подробности?

– Пока нет, – ответил канцлер. – Я хотел, чтобы вы сами выслушали это предложение, прежде чем вникать в детали.

– Вникайте. Заседание Совета состоится через три дня; приготовьте к тому времени свой доклад, и я представлю его Совету.

Оркид и Прадо поклонились и ушли.

– Не нравится мне этот наемник, – сказал Сендарус.

– Совсем не обязательно любить камень, чтобы раздавить им паука, – отозвалась она.

Мальчику было года четыре. Он лежал на койке, сжавшись в тугий комок, затрудненно дыша, с лицом, блестящим от пота при свете факела.

– Что это? – спросил Олио.

Священник мягко прикоснулся ладонью ко лбу мальчика.

– Астма. Он страдал ею с трехмесячного возраста. За последний год она сделалась хуже. Вот уж несколько дней он такой, как сейчас. Совсем не ест и извергает почти все выпитое.

– Он умирает?

– Да, ваше высочество, умирает. Он не доживет до утра.

Олио глубоко вздохнул и посмотрел на Эдейтора Фэнхоу.

– У меня нет выбора. Я не могу отказать исцелить его, несмотря на мои заверения, что я не стану пользоваться ключом.

– Да. – Эдейтор был мрачен. – Я понимаю.

Олио кивнул священнику, который отступил от койки, а затем возложил правую руку на тяжело поднимающуюся грудь мальчика.левой рукой он извлек из под рубахи Ключ Сердца и крепко сжал его.

– Порядок.

Эдейтор возложил руки на плечи Олио и почти сразу же ощутил, как через принца хлынул поток магической силы. Сколько бы раз он ни продельвал это, его всегда удивляла мощь магии, но на этот раз его удивила и скорость, с которой она нахлынула. Ключ настраивался на своего владельца. Эдейтор гадал, не сможет ли Олио вскоре действовать вообще без помощи-мага. Эта мысль обеспокоила его.

Принц начал оседать на пол, и Эдейтор оттащил его от койки. Олио слабо вскрикнул и бессильно оперся о прелата.

– Ваше высочество? – озабоченно спросил священник. Его направили в приют недавно, и он еще ни разу не работал с принцем.

– Со мной все в порядке, – подняв руку, успокоил его Олио. – Просто немного устал, вот и все.

– Идемте, присядьте. – Священник и Эдейтор отвели его к деревянному табурету. – Хотите я вам что-нибудь принесу?

– Нет, – ответил он, и тут же поправился: – Да. Вина.

– Ваше высочество... – начал было возражать Эдейтор, но гневный взгляд Олио заставил его умолкнуть.

– Всего одну чашу, прелат.

Священник вернулся с вином. Олио жадно осушил чашу и отдал ее.

– Еще, ваше высочество? – спросил священник.

– Нет, – твердо заявил Эдейтор. Священник быстро перевел взгляд с прелата на принца и опять на прелата. – Нет, – повторил Эдейтор. – Спасибо. Мне надо поговорить с принцем. Наедине.

Священник поспешил выйти.

– Я бы и не стал просить еще, – сразу принялся оправдываться Олио, чуть ли не посылая.

– Тогда я избавил вас от хлопот, сказав ему это сам.

Принц нетвердо поднялся на ноги. Эдейтор протянул было руку поддержать его, но Олио отмахнулся.

– Я думал, вы мне доверяли...

Прежде чем Эдейтор успел ответить, раздался тихий голосок:

– Хочу есть.

Больной мальчик приподнялся и сел на койке. Он выглядел худым и бледным, но дышал нормально.

– Есть хочу, – снова произнес он.

– Я что-нибудь тебе принесу, – заверил Олио. – Как ты себя чувствуешь?

Мальчик с миг подумал над вопросом.

– Голодным.

– Тогда мы скормим тебе целую гору. – Принц повернулся лицом к прелату. – Разве это не стоит всего?

Эдейтор покраснел, стыдясь, что у него нет на это ответа.

Теперь, когда королевский Совет заседал уже с полдюжины раз, его члены имели склонность занимать на каждом заседании одни и те же места за столом. Арива с Оркидом и Олио по бокам сидела в одном конце, далее, справа от нее – правительственные чиновники, такие, как Харнан Бересард, прелат Эдейтор Фэнхоу и мэр Кендры Шант Тенор, а также те члены Двадцати Домов, которым предоставили места в Совете, в первую очередь двоюродный брат Аривы Гален Ампра. С левой же стороны располагались различные представители гильдий и торговых домов королевства, а также примас Гирос Нортем, глава Церкви Подлинного Бога, и его секретарь, исповедник Аривы отец Поул. В противоположном конце стола по обеим сторонам от нового коннетабля Деджануса сидели адмирал флота Зоул Сечмар и маршал Триам Льеф.

Помещение заливал солнечный свет, проникавший через длинные остекленные окна в одной из стен. Советники ждали, когда Арива откроет заседание, но та была занята совещанием с Оркидом. Некоторые советники делали заметки или погрузились в изучение документов, кто-то скучал, с трудом подавляя зевоту. Большинство же просто терпеливо ждали.

– Вы все слышали, что мой брат все еще жив, – внезапно заговорила Арива. Один или два советника так и подскочили в своих креслах.

– До нас доходили слухи, ваше величество, – сказал отец Поул, – но не полная история.

– Линан не утонул. Он сбежал в Океаны Травы.

По палате пробежал тихий шорох перешептываний, но – удовлетворенно отметила Арива – в голосах не слышалось ни чрезмерной взволнованности, ни паники.

– Его по-прежнему сопровождают бывший коннетабль Камаль с Эйджером Пармером и студенткой магии... – Она справилась с лежавшей перед ней на столе бумагой.

– Дженроза Алукар, – быстро и негромко подсказал Эдейтор Фэнхоу, словно стыдясь того, что она была его студенткой.

– ...Да, она из Теургии Звезд.

– Была, – быстро поправил Эдейтор.

– Да. Была. Они у четтов.

– Значит, они безвредны, – сделал вывод маршал Льеф. – Из Океанов Травы они не смогут причинить вреда королевству.

Со стороны Совета раздался ропот общего согласия.

– Пока принц Линан жив, он опасен, – тихо проговорила Арива. Эти слова каким-то образом дошли сквозь гул голосов до всех – и все мгновенно умолкли. Олио посмотрел на нее с чем-то похожим на смятение.

– Ваше величество? – переспросил маршал.

– Чем он располагает? – спросила она.

– Сейчас уже ничем, кроме травы, – пошутил Шант Тенор.

– И Ключом Единения, – указала Арива.

– Стоит ли тот чего-нибудь сам по себе? – осведомился мэр, приподнимая руки и переводя взгляд с одного советника на другого, словно адресуя вопрос им всем.

– Для меня он кое-чего стоит, – строго сказала Арива. – Ключ Единения нужен мне для другой цели.

– Сестра, у тебя уже есть два, – мягко указал Олио.

– А у моего будущего мужа ни одного.

Олио, казалось, удивился.

– А, конечно, – проямлил он наконец.

– Ваше величество, тут вы затронули деликатный вопрос, – заговорила Кселла Поввис, глава купеческой гильдии. – Мы все еще не получили ответа короля Амана касательно его гарантий по потомству, наследующему престол.

– Поправка, – уточнила Арива и протянула руку ладонью вверх. Оркид вручил ей скатанный пергамент, который она развернула и расстелила на столе перед собой. – Его гонец прибыл вчера вечером. – Она помолчала, оглядела застывшие в ожидании лица. – И он согласен.

Совет вздохнул словно одно большое животное.

– При двух условиях, – закончила Арива.

Животное снова затаило дыхание, пока Гален Ампра не спросил:

– И каких же?

– Он хочет, чтобы в порту построили еще один причал для аманитских торговых кораблей.

– Это даст им столько же причалов, сколько у Луризии, и на два больше, чем у Чандры или Хьюма, – указала Кселла Поввис.

– Несомненно, именно потому он их и хочет.

– А второе условие, ваше величество?

– Чтобы снова был введен Гелтский сбор.

В ответ раздался дружный рев. Все заговорили разом. Во взгляде, который Арива бросила на Оркида и Олио, явственно просматривалось разочарование. Она подождала, пока не стихнет шум.

– С этим какие-то сложности?

В палате снова поднялся рев, на сей раз направленный против нее. Арива побледнела.

– Довольно! – крикнула она, и бушующая в палате буря стихла так же быстро как и поднялась. – Так-то вы обращаетесь к своей королеве?

– Сожалею, ваше величество, – извинилась Кселла Поввис, – но одной из причин войны Кендры с Аманом века назад был Гелтский сбор со всех кораблей, проплывающих мимо или через устье той реки – сбор, который они навязывали силой. Аман предлагает нам добровольно подчиниться этому пиратству?

Арива почувствовала, как напрягся рядом с ней Оркид, но он сохранил самообладание и ничего не сказал. «Если б только все мои советники были такими же дисциплинированными».

– Ничего столь жестокого, – ответила купеческой старшине Арива. – Они просят, чтобы все торговые корабли, проплывающие мимо или через реку Гелт, платили сбор стоимостью в одну сотую часть своего груза. Как я понимаю, прежний сбор равнялся одной трети стоимости груза.

– Это верно, – признала несколько успокоенная Кселла Поввис, – но тут затронут принцип...

– Затронутый принцип заключается в том, что в обмен на эти два условия Аман не только подпишет гарантии наследования, но и построит маяк на Треугольной Скале в устье Гелта и будет обслуживать его. Скажите, Кселла Поввис, разве не из-за той скалы мы даже сегодня теряем каждый год с полдюжины кораблей?

Глава купеческой гильдии кивнула.

– И по сравнению с этой потерей насколько велик сбор в одну сотую стоимости?

– Это выгодная сделка, – признала Кселла Поввис и склонила голову перед королевой в знак извинения и капитуляции.

Арива слегка улыбнулась.

– Тогда, как я понимаю, больше нет никаких возражений против моего брака с принцем Сендарусом?

Несогласных не нашлось. Гален Амттра и еще один или двое других казались не обрадованными, но ничего не могли поделать.

– И, возвращаясь к первоначально обсуждаемому нами вопросу, будет ли честным и справедливым, что мой муж и консорт останется без одного из Ключей Силы, тогда как объявленный вне закона принц Линан по-прежнему обладает Ключом Единения? И кому же носить этот ключ, как не принцу Сендарусу, аманиту, который соединится в брачном союзе с вашей монархиней?

– Все это хорошо и правильно, ваше величество, – грубовато бухнул маршал Льеф, – но как вы предлагаете заполучить тот Ключ?

– Вы хотите сказать, что армия Гренды-Лир не способна совершить поход на союзную территорию и отыскать одинокую группу отверженных? – осведомилась Арива. – И особенно такую приметную группу? Один принц, не старше мальчишки, владеющий Ключом Силы, один бывший коннетабль гигантского роста, один горбатый бывший солдат и одна студентка?..

– Четтам это не понравится. И отправка солдат в Океаны Травы может вызвать еще большую напряженность в отношениях с Хаксусом. Король Салокан обязательно призадумается, не готовимся ли мы выступить против него.

– С четтами мы сможем договориться – они не возражали против прохода наших армий по их территории, когда мы очищали их степь от работорговцев. И меня несколько не волнует, встревожит ли этот шаг короля Салокана; я желаю лишь, чтобы все мои действия тревожили короля Салокана.

– Я поведу отряд, – быстро вызвался Деджанус. – Я не боюсь четтов.

– Меня волновало не это... – запальчиво начал было маршал, но Арива подняла руку.

– Коннетабль, насколько хорошо вы знаете Океаны Травы? – спросила она.

Деджанус замедлил с ответом, внезапно испугавшись. Уж не прознала ли она о его предыдущей жизни в качестве работорговца? Не рассказал ли ей Оркид? С миг он отчаянно размышлял, что ответить.

- Коннетабль? – поторопила его с ответом Арива.
«Нет, она не могла узнать, иначе я уже сидел бы в тюрьме».
- Не слишком хорошо, ваше величество. Но у нас есть карты...
- Ни к чему, Деджанус, хоть я и хвалю вас за рвение, – отмахнулась она, бросив взгляд на маршала, который покраснел и отвел глаза.
- Что же тогда предлагает ваше величество? – спросил Деджанус.
- Мы отправим тех, кто знает Океаны Травы и четтов лучше всех здесь сидящих. Возьмем на службу капитана наемников, одного из тех, кто сражался в последней войне.
- Работорговца? – возмущенно переспросил маршал. – К примеру, того же Джеса Прадо? Того, который, говорят, и принес вам новости о Линане?
- Уже не работорговца. И да, я думаю о Джесе Прадо.
- И что же *он* сделает? – спросил Олио.
- Наберет отряд наемников, чтобы изловить Линана.
- И захватить его в плен, – закончил за нее Олио.
- Нет. Убить его.
- Все присутствующие в палате Совета притихли.
- С-сестра, ведь н-нашего б-брата не судили за якобы со-совер-шенные им преступления.
- А разве его бегства не достаточно? – повысила голос Арива. – Разве против него мало неопровержимых улик? – потребовала ответа она.
- Н-но его все-таки м-можно взять в п-плен, – настаивал Олио.
- Тут к Совету в первый раз за все заседание обратился Оркид.
- Мы не можем рисковать, ваше высочество. Если он будет захвачен в плен и сбежит, то насколько прочнее станет его положение?
- Среди кого, канцлер? У него наверняка нет никаких сторонников среди нас, и никаких – в других провинциях, о которых я слышал. Н-народ п-почти забыл о нем.
- А если он будет убит, оставшись в одиночестве и всеми покинутый в Океанах Травы, то про него вообще забудут, – пояснила Арива Олио, а затем обратилась к Совету: – Он изменник, объявлен вне закона и совершил цареубийство. Он заслуживает смерти.
- И набор достаточно большого отряда наемников для его поимки обойдется королевству не так уж дорого, – заметил Шант Тенор.
- Задача перед Прадо будет поставлена более широкая, – уведомила Арива членов Совета. – Он рассказал мне о наемнике, которому мы недавно поручили патрулировать границу с Хаксусом – неким Рендле, который взял наше золото, а затем сбежал в Хаксус служить его королю. Я убеждена, что он тоже должен быть найден, иначе другие наемные отряды могут счесть, что и они вольны безнаказанно сделать то же самое.
- Зачем же тогда доверять этому Прадо? – спросил Деджанус. – Ведь он всего лишь такой же наемник. Ваше величество, дозвоьте мне повести в Океаны Травы полк нашей собственной кавалерии. Если хотите, Прадо может послужить проводником, а уж наша преданность не подлежит сомнению.
- Мы не можем так легко выделить подобный полк, – покачал головой Оркид. – После стольких лет мира наши войска сильно разбросаны. И, хотя мы мобилизуем армию на случай возможной угрозы со стороны Хаксуса, если король Салокан вскоре вторгнется в наши земли, то нам понадобятся все преданные части, какие у нас есть.
- К тому же в краткосрочном плане набрать наемников дешевле, – добавила Арива и заметила, что это вызвало улыбки на лицах некоторых советников. Им нравилась мысль тратить не больше денег, чем необходимо – на что она, собственно, и рассчитывала.
- Но насколько надежен этот Прадо? – настаивал маршал.
- Он будет надежен, – заверил Оркид. – Я позабочусь об этом. Даю Совету слово.

Возражений больше не было, и только Оркид заметил кислый взгляд, брошенный на него Деджанусом.

Арива и Сендарус впервые за несколько недель провели ночь вместе.

– Нам следует делать это почаще, – сказал ей наутро Сендарус.

– До окончательного одобрения Советом нашего брака это было бы трудно. Возникло бы впечатление, будто мы откровенно пренебрегаем мнением всех моих советников, а также и многих простолюдинов.

Сендарус наклонился над Аривой, провел ладонью по ее скуле и шее, а затем по груди и плоскому животу.

– И вместо этого ты пренебрегаешь мной, – надулся он.

– Продолжай в том же духе, и я тебя высеку, – пригрозила она и оттолкнула его. Он притворно зарычал от ярости и попытался броситься на нее, но Арива увернулась и вместо этого сама накинулась на него.

– Ты слишком медлительный, аманит.

– Медленней работаешь, – отозвался он, – лучше в постели.

– Ах ты, обманщик, – рассмеялась Арива.

Сендарус крутанулся под ней.

– Сегодня ты не такая изнуренная заботами.

– Сама это чувствую. Признаться, новость о том, что Линан жив, поколебала мою уверенность. Но теперь я снова на высоте.

– Больше чем в одном смысле, – хмыкнул Сендарус.

Арива стукнула его подушкой по голове.

– Это естественное положение дел. Я уже королева, а ты всего лишь принц.

– Да, ваше величество.

Она улеглась на него и заключила его лицо в ладони.

– Я люблю тебя и всегда буду любить, принц ты или не принц. – Она быстро поцеловала его и двинулась подняться с постели.

– Уже? – пожаловался Сендарус. – Я надеялся на повторную схватку.

– Возможно, сегодня ночью. У меня много дел.

– А после вступления в брак мы наконец-то устроим себе медовый месяц?

– Конечно. Наутро после свадьбы я на лишний час останусь в постели. Этого должно хватить.

– Слишком быстро для меня, – вздохнул он.

– Но не для меня, – парировала Арива, уже наполовину одевшись. Она подошла к восточному окну и открыла его. Внизу шла смена караула, наконечники копий и шлемы гвардейцев сверкали в лучах зари. Она увидела также, как через главные ворота проходит еще одна фигура, одинокая и печальная на вид. И потрясенно сообразила, что это Олио. В своей депрессии из-за Пинана она в последние несколько недель не уделяла ему много времени, и он, казалось, выглядел день ото дня все хуже. Что с ним творилось? Арива не хотела приобрести мужа, но потерять любимого брата.

Сендарус заметил, как у нее вытянулось лицо.

– Что такое? – озабоченно спросил он.

Она покачала головой, ничего не сказав.

Прадо переполняло нервное нетерпение.

– Когда можно будет отправляться? – требовательно спросил он.

Оркид изучил его внимательным взглядом. Когда Прадо впервые появился во дворце, вид он имел весьма жалкий – оборванный голодный человек, весь в кровоподтеках и порезах.

Но теперь он выглядел воином до кончиков ногтей, поджарым и сильным, несмотря на свой возраст. Услышав о решении Совета, наемник сразу отправился в город и купил себе новые штаны, кожаную безрукавку, сапоги и перчатки, а также отличный чандрийский меч и нож, все в кредит. Если кто и может найти и убить Линана, то только он, подумал Оркид.

– Скоро. Королева сегодня же подпишет приказ, а я уже получил из казначейства твою долговую расписку. У тебя будет достаточно средств для найма на несколько месяцев небольшой армии. Надеюсь, этого хватит, так как большего тебе не получить.

– Этого хватит, – бросил с надменной уверенностью Прадо. – В оплату я привезу вам две головы: принца Линана и Рендла.

– Хватит и одной головы. А останки Рендла можешь оставить там, где его убьешь.

– О нет. У меня есть свои планы для этого трофея.

Оркид поморщился.

– Твоя задача – убить Линана. Добейся этого любой ценой.

– Добьюсь.

– И не подведи меня.

– Вас? – рассмеялся резким лающим смехом Прадо. – А я думал, что служу вашей королеве.

– *НАШЕЙ* королеве, – прошипел Оркид. Он встал вплотную к наемнику. – А в этом задании ты отвечаешь передо мной. Провала я не потерплю.

Взгляд Прадо посуровел.

– Я не подведу, канцлер, но тем не менее не люблю, когда мне угрожают.

– Обещаю тебе, Джес Прадо, если ты все-таки подведешь меня, я буду охотиться на тебя, как на бешеного карака.

В голосе Оркида прозвучала такая угроза, что Прадо на шаг отступил. Он избегал смотреть в глаза канцлеру.

– Я уже сказал вам, что не подведу.

Оркид кивнул и перешел к своему столу, где взял официального вида пергамент и протянул его Прадо.

– Твоя долговая расписка.

– Хорошо, – обронил Прадо, беря пергамент.

– Вернись сегодня вечером за приказом. Кстати, в нем будет дополнительный пункт, о котором не знает Совет.

– Дополнительный пункт?

– Вам будет присвоено звание генерала армии Гренды-Лир. Это предоставит вам полномочия привлекать, если понадобится, регулярные войска на границе.

– Я? – ахнул Прадо. – Генерал вашей армии? Вот это поворот!

– Куда вы направитесь в первую очередь?

– В Арранскую долину. Там живут многие из моего прежнего отряда, и они образуют ядро моего войска. А оттуда двинусь на север, подбирая группы там, где смогу их найти.

– Где будете базироваться?

– На границе с Хаксусом, неподалеку от ущелья Алгонка. Так я смогу двинуться в любом направлении, в зависимости от того, какая цель подвернется первой.

– Когда отправляетесь?

– Если получу приказ сегодня к ночи, то завтра рано утром. – Он усмехнулся канцлеру. – И дворец наконец-то избавится от меня!

– Я дам знать королеве, – ответил Оркид. – Она будет очень довольна.

ГЛАВА 5

На взгляд Камаля, одна часть Океанов Травы мало чем отличалась с виду от любой другой. Во время Невольничьей войны он прошел с армией Генерала немало таких частей и так и не понял тогда, как их проводники-четты узнавали, куда едут. Он достаточно уверенно отличал север от юга и восток от запада, но вот куда именно на севере, юге, востоке или западе они направляются, всегда ускользало от его понимания. Повсюду, куда ни глянь, всхолмленный ландшафт покрывала желтеющая осенью высокая трава. Хотя в степи и попадались ручьи, в ней не было рек или долин, и не росло ничего выше изредка встречающихся куп деревьев-стреловников. Он знал, что впечатление абсолютной плоскости равнины обманчиво, что можно выбраться на гребень одного взгорка и обнаружить поджидающую тебя на другой стороне армию, скрытую пологими складками местности, но ощущал в себе тоску по какой-никакой настоящей географии – по широкой реке, лесу, одной-другой горе – по чему угодно, нарушающему монотонность.

К нему подъехал Эйджер.

– К этому краю требуется привыкнуть, – промолвил горбун.

– Я к нему никогда не привыкну, – ворчливо ответил Камаль. – Откуда мы знаем, что ему есть конец? Мы можем ехать, пока не состаримся, и так и не добраться до другой его стороны.

– Бывает судьба и похуже. У Океанов Травы есть особая красота.

Камаль с тревогой посмотрел на друга.

– От всех этих ран у тебя наступает размягчение мозгов. Нет здесь никакой красоты.

Этот край какой-то... не знаю...

– Безжалостный, – предположил Эйджер.

– Да, именно.

– Линан, похоже, чувствует себя здесь как дома.

– Он на четверть четт. И кроме того, здесь он чувствует себя в безопасности.

– А ты разве нет?

– Я не почувствую себя в безопасности до тех пор, пока Линан не будет восстановлен в правах в Кендре, а на мне снова не окажется мундир коннетабля, – хмыкнул Камаль.

– Восстановлен в правах кого? – помолчав, спросил Эйджер.

– Ты думал о нашем разговоре с Кориганой и Гудоном той ночью?

Эйджер кивнул.

– Их слова имели смысл.

– Линан не является законным наследником трона Гренды-Лир, Эйджер. Есть моральное и законное отличие между помощью в устранении несправедливости с объявлением его вне закона – и помощью в узурпации трона королевы Аривы.

– Арива – его заклятый враг. Он сын ненавистного простолюдина, который заменил ее любимого отца в качестве мужа и консорта Ашарны. Она никогда его не любила. Восстановление Линана в правах во дворце не сделает его положение надежным.

– Что ты имеешь в виду?

– Двадцать Домов, а может, даже и сама Арива по-прежнему будут видеть в нем угрозу.

– С этим мы сможем справиться.

– И не забывай, всегда остается вероятность, что Арива была в сговоре с Оркидом и Деджанусом.

– Никогда в это не поверю.

Эйджер наклонился и, взяв узду Камаля, натянул ее.

– Даже если Арива и не участвовала в первоначальном заговоре, то сейчас она, должно быть, полагается на Оркида и Деджануса. Она не может допустить возвращения Линана.

Камаль высвободил узду.

– Ты понимаешь, о чем говоришь? Что именно это будет означать для всех нас.

– Возможно, это означает для нас спасение.

– Нас могут повесить за измену.

– Если нас поймают, то так и так повесят за измену. Камаль прищипорил лошадь, не желая слушать его.

– Или, вероятно, просто отрубят нам головы, как только захватят в плен! – крикнул ему вслед горбун.

«Проклятье! – сердито подумал Эйджер. – Это был едва ли не наихудший способ попытаться в чем-то убедить Камалья». К нему подъехала Дженроза.

– О чем шла речь?

– Говорили о политике, – небрежно обронил он.

– Тут у вас никогда раньше не было разногласий, – фыркнула Дженроза.

Эйджер пожал плечами.

– Ему не по душе Океаны Травы, – непринужденно ответил он. – Они делают его раздражительным.

Они с миг молча ехала рядом, а затем Дженроза сказала:

– Дело ведь не только в этом, не так ли?

– В какой-то мере, – согласился Эйджер, не готовый сказать больше. Дженроза молчала, но ее присутствие требовало ответа. Она отлично умела добиваться того, чего хотела. – Не беспокойся об этом. В конце концов один из нас склонится к точке зрения другого. Ну, я прихожу кружным путем к его взгляду на вещи; обычно все выходит именно так.

– Речь шла о Линане, да? – не отставала она.

– А когда мы обсуждаем что-то иное? Где он, кстати? Я все утро его не видел.

– С Гудоном, едет позади вон тех всадников.

– А также, бьюсь об заклад, и с Кориганой.

– Нет. Она едет впереди. Ты ее недолюбливаешь, не правда ли?

Эйджер обдумал вопрос.

– Она необязательно не нравится мне. Думаю, Камалю она не очень-то по душе.

– Камаль подобен отцу, приглядывающему за единственным сыном, обольщаемым женщиной, которую он не одобряет.

Эйджер кивнул.

– Я смотрел на это иначе, но ты права.

– Камаль рассказал мне о своем столкновении с Линаном. Он не знает, сердится ему или грустить оттого, что принц выступил против него.

– Это было бы трудно по многим причинам.

– Он говорил мне, что у них с Кориганой вышел спор.

– Он рассказал тебе о том, что... – голос Эйджера стих.

– Что случилось?

Эйджер показал на авангард колонны. Дженроза посмотрела и увидела, что головные всадники устремились галопом к гребню ближайшего взгорка. Она наблюдала затем, как они достигли его, а затем исчезли, перевалив на другую сторону. Следом за ними устремились и другие четты. Горизонт слегка затуманился от пыли.

– Рендл? – спросила она.

Эйджер не ответил, но дал шпоры лошади. Дженроза изо всех сил старалась не отстать от него, но он держался в седле лучше и вырвался вперед. Она смотрела, как он достиг гребня, потом вдруг натянул узду, и его лошадь уперлась копытами в землю. Через несколько секунд она поравнялась с ним и глянула вниз. Дыхание застряло у нее в горле.

В каких-то пяти лигах паслось самое большое стадо скота, какое ей когда-либо доводилось видеть. Она понятия не имела, сколько в нем голов, но на желтой и бледно-зеленой равнине оно выглядело, словно темный поток.

Рядом с ней появились Линан и Гудон. Глаза Линана широко раскрылись, несмотря на яркое солнце.

– Оно больше, чем мне помнится, – со своего рода благоговением прошептал Гудон. – Маленький господин, это и есть богатство клана Белого Волка. *Моего* клана.

Кроме скота, Дженроза теперь разглядела и нечто, с виду похожее на две длинные цепочки насекомых яркой расцветки, тянущихся по обеим сторонам от основной массы стада. Вскоре она увидела, что это большие шатры на широких телегах, и каждую такую телегу везли четыре и более лошадей. А на одиночных лошадях четты разъезжали вокруг и среди стада, погоняя скот и не давая ему разбредаться. Казалось, четтов было почти столько же, сколько и скота.

– Насколько велик ваш клан? – спросила Дженроза у Гудона.

– Один из самых больших, – с гордостью ответил он. – Мы ехали пока с Левым Рогом, личной охраной Кориганы – это тысяча воинов. А есть еще Правый Рог и основная группа, Голова, в пять тысяч воинов. Если мы не воюем, то Голова всегда остается со стадом, в то время как два Рога поочередно ведут разведку впереди и по сторонам, обычно на расстоянии многих лиг от основной группы.

– Не понимаю, Гудон, – проговорил Линан, лицо которого все еще отражало испытанное им удивление. – Я думал, четты жили группами человек в сто или около того. Ты сам говорил мне это по пути к ущелью Алгонка.

– Мы жили так много веков, до войны с работорговцами. Отец Кориганы понял, что мы должны объединиться для борьбы с набегами налетчиков вроде Рендла и Прадо. Но прежде, чем он смог объединить кланы, должен был объединиться и каждый клан. Вражда и грызня между семьями в каждом клане шла не меньшая, чем, между самими кланами. Ныне каждый клан кочует и сражается как единое целое. Это означает, что кочевать им приходится намного больше, иначе объединенное стадо уничтожит все пастбища, но большая безопасность стоит того.

Эйджер внимательно наблюдал за ползущим внизу кланом.

– На первый взгляд кажется, будто клан перемещается беспорядочно, – сказал он. – Но теперь я вижу, как дозорные всадники держатся на одном и том же расстоянии. Они всегда движутся, но всегда к другому посту. – Он посмотрел на Гудона. – Очень впечатляет. Думаю, в Гренде-Лир никто не понимает, насколько организованными стали четты.

– Там нас считают простыми пастухами, – согласился Гудон. – И нас это вполне устраивает.

– Они останавливаются, – отметил Линан.

Дозорные сомкнулись вокруг стада, сжимая кольцо, и постепенно оно медленно, словно растекающийся по лезвию ножа мед, остановилось. Затем везущие шатры телеги образовали корраль, сомкнувшись вокруг всех, кроме дюжины самых крупных животных, которых увели прочь и привязали к вбитым поблизости кольям.

– Это быки, – объяснил Гудон.

– Почему так много?

– Для торговли. Стадо у нас большое и здоровое. Другие кланы многое отдадут за возможность заполучить одного из наших быков, думая, будто в них и заключается тайна успеха нашего клана.

– А в чем же тайна успеха вашего клана? – спросил Эйджер.

– Наша королева, – просто ответил Гудон.

– Смотрите, вон Камаль, – показала Дженроза. Она заметила его на середине спуска по склону. Его, как и остальных, заморозил вид клана и его стада. Никто из жителей востока не ожидал увидеть в Океанах Травы чего-либо подобных масштабов.

– А вон Коригана, – указал Гудон на едущую к ним одинокую всадницу. Высокая и гибкая, столь уверенно держащаяся в седле, она была легко различима в толпе. Подъехав к ним, она остановилась перед Линан ом.

– Добро пожаловать в самое сердце клана Белого Волка, ваше величество. Вы всегда будете для нас желанным гостем.

Линан кивнул, по-прежнему охваченный чувством благоговения.

– Спасибо, Коригана. Для меня это большая честь.

– Мой народ ждет встречи со всеми вами, – сказала она, обращаясь ко всем, и поехала впереди вниз по склону к корралю, а Камаль присоединился к ним, когда они проезжали мимо него.

Когда спутники подъехали ближе, из шатров выскочили маленькие дети и собрались вокруг них. Внимание в основном уделялось Камалю и Эйджеру: первый был таким громадным, что, должно быть, казался им ходячей горой, а второй – такой согбенный, что их удивляло, как он вообще мог ездить верхом. На Линана они сперва не смотрели; в своем пончо и широкополой шляпе он мог почти сойти за одного из них.

К детям вскоре присоединилось несколько дозорных, и процессия наконец двинулась извилистым путем к самому большому шатру, стоящему на самом огромном фургоне, какой когда-либо доводилось видеть Линану и его спутникам. Шатер этот был сделан из нескольких широких полос дубленой кожи, сшитых друг с другом толстыми прядями скрученных жил. Каждая полоса была выкрашена в иной цвет, а прямо над дверью, кроме того, красовалось изображение белого волка.

Прежде чем всадники остановились, раздался быстро приближающийся цокот копыт. Они оглянулись и увидели дозорного со сбившейся за плечи шляпой, вонзающего пятки в бока своей кобылы.

– Боги! – воскликнул Гудон, лицо которого расплылось в широкой улыбке. – Это Макон!

Тот, которого назвали Маконом, подождал, пока не оказался всего в нескольких шагах от группы, аккуратно остановил лошадь и выпрыгнул из седла. К удивлению новоприбывших, прыгнул он прямо на круп лошади Гудона. Худые жилистые руки обхватили Гудона за талию.

– Гудон! Брат! Ты наконец-то вернулся к нам!

Гудон наполовину повернулся в седле и обнял брата, звучно хлопнув его по спине.

– Я же тебе сказал, что вернусь, карак!

Они упали с кобылы и повалились грудой на землю. Окружившие их четты рассмеялись, в том числе и Коригана. Линан и его друзья ошеломленно глядели на происходящее, не уверенные, как все это понимать.

Гудон с Маконом поднялись, все еще держась друг за друга, на лицах у них расплзлись самые широкие улыбки, какие Линан когда-либо видел на физиономии четта.

– Это мой младший брат! – громко объявил Гудон.

– Вот бы никогда не догадались, – сухо отозвался Камаль.

– Моя королева, чем вы его кормили? Он слишком высок, чтоб быть мне родней.

И в самом деле, теперь, когда они стояли на земле, Линан увидел, что Макон по меньшей мере на пядь выше Гудона.

– Это ты усох от жизни на востоке, – заявил Макон и махнул рукой в сторону чужаков. – А кто эти друзья, которых ты привел с собой?

Гудон подошел к Дженрозе и положил руку ей на плечо.

– Это Дженроза Алукар, прославленная магичка из Теургии Звезд в Кендре!

Толпа разразилась приветственными криками прежде, чем Дженроза успела объяснить, что она не магичка, а всего лишь студентка и еще нисколько не прославилась.

Вслед за тем Гудон перешел к Эйджеру.

– Эйджер Пармер, один из самых известных воинов в Гренде-Лир! Свои увечья он получил в Невольничьей войне, где доблестно сражался под началом Элинда Чизела!

Еще более громкие приветственные крики. Эйджер покраснел. С любопытством глядевшие на него ребяташки сгрудились поближе, а некоторые и тянули руки, стремясь прикоснуться к нему.

Гудон перешел к Камалю.

– А это – воин, слава которого известна даже нам. Правая рука Генерала, покончившего с нападениями работорговцев на четтов. Камаль Аларн, капитан Красных Щитов!

Линан подумал, что у него уши лопнут от последовавших за объявлением Гудона криков и воплей. Теперь даже дозорные спешили и толпились вокруг. Все взгляды устремились к Камалю, и Линан расслышал благоговение в голосах четтов.

– Это он! Генералов Гигант! Это Камаль!

Линан наблюдал за реакцией Камалья. Его бледная кожа сделалась темно-красной; даже выбеленные временем корни волос, казалось, порыжели. Ошеломленный бурными приветствиями, он не мог ничего ни сказать, ни сделать. Гудон подождал, пока крики не начали стихать, прежде чем перейти к Линану. Когда он двинулся положить руку на плечо принцу, то остановился и отступил на шаг. Линан оглянулся и увидел подошедшую встать рядом с ним Коригану. Толпа умолкла, ожидая, пока не заговорит королева. Та протянула руку и сняла с Линана шляпу. Он сильно зажмурился от внезапного потока света. Когда же он сумел раскрыть глаза достаточно широко, чтобы увидеть происходящее, то наткнулся на взгляды уставившихся на него всех окружающих четтов. Одна девочка осмелилась коснуться бледно-белой руки Линана, но быстро отдернула ладошку. Линан улыбнулся ей, но она явно слишком напугалась, чтобы ответить на его улыбку.

– Это Линан Розетем, сын королевы Ашарны и Генерала Элинда Чизела. Он принц королевства Гренда-Лир и носитель одного из Ключей Силы. Это Белый Волк, и он вернулся к нам!

Какой-то миг ничего не происходило, а затем, не обменявшись между собой ни единым словом, все как один низко поклонились, словно скошенная одним взмахом косы пшеница. Даже Коригана кланялась. Линан сощурился, глаза у него заслезались от резкого света солнца.

Миг спустя Коригана выпрямилась, и остальные четты последовали ее примеру. Она снова надела на него шляпу и мягко взяла его за руку.

– Наш клан будет тебе семьей и домом, сколько ни пожелаешь.

– Белый Волк? – переспросил Линан у Гудона. Они сидели вместе на вершине взгорка, откуда открывался вид на лагерь четтов, а их кобылы щипали траву у них за спиной. В вышине мерцали в идеально ясном небе звезды, а внизу корраль окружали десятки маленьких костров. До них доносилось негромкое мычание кланового стада, а иногда и громкий рев быков.

– Как гласит легенда, маленький господин, давным-давно, когда мой клан был лишь маленьким племенем из двух-трех семейств, нас защитил от хищников из других племен белый степной волк-одиночка. Увидеть его могли только ночью, и то издалека. Он стал нашим тотемом и, в конечном итоге, одним из наших богов. И вот ты здесь. Ты явился к четтам почти умершим, а затем был воскрешен с кожей белой, как кобылье молоко. И на первой же своей охоте ты в одиночку убил степную волчицу, угрожавшую королеве нашего клана.

– Я пытался спасти тебя, – резко сказал Линан.

– Верно, маленький господин. Но думаю, тебе понятно, почему Коригана назвала тебя белым волком.

Линан обхватил колени.

– Я не хочу, чтобы клан ожидал от меня слишком многого, Гудон. Мне не хочется их разочаровывать.

– Этого не будет.

Некоторое время ни тот, ни другой не говорили ни слова, пока над ними не сверкнула падающая звезда.

– Добрый знак, – показал на нее Гудон. – Видишь, мы защищены.

– У меня такое ощущение, что ты куда менее суверен, чем прикидываешься, – сказал Линан. Гудон вопросительно посмотрел на него. – Ты ведь четт практичный. Как и ваша королева.

– Этого и следовало ожидать. Ведь мы же родственники.

– И судьбу можно творить самим.

– И что же такое хочет этим сказать маленький господин?

– Когда мы впервые встретились на реке, ты мне сказал, что судьба никому не служит.

– Верно.

– Нет, неверно, Гудон. Ты спас меня от Джеса Прадо, за что я всегда буду тебе благодарен. Но ты знал, кто я такой.

Гудон кивнул.

– И понимал, что я буду ценен для твоей королевы.

Гудон глубоко вздохнул, а затем сказал:

– Ты хотел отправиться в Океаны Травы.

– А ты хотел чтобы я отправился в Океаны Травы, но не попал в руки другого клана, особенно такого, чей вождь находится в числе противников Кориганы. Верно?

– Да, маленький господин, – тихо ответил четт.

– Я помогу вашей королеве, но цена будет высока.

– Коригана это понимает, – без колебаний заявил Гудон.

– Сколько нам еще добираться до Верхнего Суака?

– Много дней, особенно со стадом. Мы будем там к зиме.

Осень подходила к концу, степью начал овладевать холод. Первым признаком надвигающейся зимы стал иней по утрам, сперва такой легкий, что исчезал вскоре после восхода солнца, но через несколько дней уже достаточно густой, чтобы дотянуть до середины утра. Когда стадо трогали в путь, было слышно, как хрустит под копытами скота хрупкая трава. В это время Коригана приказала забить всех холощенных бычков, и клан провел два дня в одном из лагерей, занимаясь засолкой мяса и выделыванием шкур. Мясо хранили в специальных шатрах, выкрашенных в ярко-белый цвет для отражения солнечного света и сохранения охлажденным мяса, все еще ждущего консервации. Покуда одни забивали волов, другие старались собрать как можно больше травы. Часть ее связывалась в пучки на корм скоту самой глухой зимой, а остальная провеивалась для отбора семян, необходимых для приготовления хлеба.

По сравнению со скоростью их передвижения до того, как они догнали стадо, клан теперь полз, на взгляд Линана, со скоростью улитки, но ему очень даже нравилось не мчаться сломя голову куда-то или от кого-то. Большую часть дней он проводил, разъезжая с Гудоном вдоль цепочки дозорных клана, узнавая много нового об Океанах Травы, о местных созданиях, растениях и кланах, о временах года, о богах, верованиях и обычаях четтов. Линан жадно впитывал все, чему мог научить его Гудон, а когда Гудона подводила память, к ним присоединялся Макон и заполнял пробелы в рисуемой старшим братом картине. Линан никогда не переставал задавать вопросы.

Камаль, Эйджер и Дженроза почти все время ехали с основной группой, держась вместе ради компании и чтобы не путаться под ногами у пытающихся не дать стаду разбрестись четтов. Они никогда не оставались одни надолго, так как их часто сопровождали дети и отдыха-

ющие дозорные, засыпая вопросами о востоке и о Линане. Эйджер и Дженроза наслаждались путешествием, цена, подобно Лина-ну, пребывание в безопасности, которое обрели впервые с тех пор, как покинули Кендру, но вот Камалю бездействие угнетало. Он сожалел о каждом дне, не потраченном на усилия по возвращению Линана в Кендру и уводящем их все дальше и дальше от цивилизации, все глубже и глубже в неизвестность Океанов Травы.

Через несколько дней Эйджер начал проводить больше времени в стороне от Камалю и Дженрозы и принялся общаться с самими четтами. Однажды он сел править фургоном королевы под присмотром его возницы, старого и почти беззубого четта по имени Кисойны. Ему понадобилось некоторое время для того, чтобы привыкнуть везти такой огромный груз и управлять восьмеркой лошадей, но Кисойны оказался терпеливым учителем. После того, как Эйджер усвоил урок, они провели остаток дня, рассказывая друг другу анекдоты. Эйджер с удивлением узнал, что не торговые моряки, а четты обладали самым грубым чувством юмора в мире – и решил, что это, вероятно, объясняется жизнью рядом с огромным стадом скота и дюжиной быков.

Постепенное удаление Эйджера от спутников было вызвано частично любопытством и потребностью заняться еще чем-то, кроме позволения своей кобыле влечь его по Океанам Травы, но в основном оно произошло с целью дать Камалю и Дженрозе время побыть вдвоем. Они не собирались исключать его из своих разговоров, но все чаще говорили только друг с другом, оставляя Эйджера на периферии. Эйджера радовало, что у Камалю есть Дженроза, способная отвлечь его от растущей депрессии, но он гадал, к лучшему ли это. Дженроза отправилась с ними потому, что была с Линаном в ночь, когда убили короля Берейму, и ей пришлось бежать из дворца вместе с принцем. Эйджер не знал, чем Дженроза занималась в ту ночь с Линаном, но был уверен, что наверняка не обсуждением истории Гренды-Лир. Какие же чувства Линан испытывал к ней теперь?

Но Эйджеру было определенно ясно, с кем предпочитала проводить время сама Дженроза.

Линан выехал из корраля в холодный ночной воздух. Второй раз он почувствовал, как его охватил темный голод; запах скота сводил его с ума. Ветер дул с юга, и от него у Линана коченели щеки и руки; на освещаемом лунным светом горизонте он различил направляющиеся к нему массы облаков, похожих на наковальню.

Когда корраль скрылся из виду, он остановился, намотал на руки узду и застыл в седле, плотно зажмурив глаза и стиснув челюсти. Ему хотелось есть и пить, хотелось почувствовать на губах вкус теплой крови. Кобыла под ним была напряжена и хотела бежать, но Линан держал узду крепко прижатой к животу.

Постепенно ветер унес все запахи стада, и в голове начало проясняться. Он глубоко вдохнул и осел в седле. Кобыла тоже расслабилась и принялась щипать траву.

На сей раз справиться с наваждением оказалось легче, и Линан гадал, не вызвано ли это тем, что он теперь дальше от Силоны и ее сверхъестественного влияния. Почему-то он был уверен: в жилах его текла уже не только кровь вампирши. Он посмотрел на восток и вспомнил все – хорошее и плохое – оставленное позади. Тоска по дому, которую он ощущал первые несколько недель после бегства из Кендры, сделалась теперь лишь воспоминанием. Затем его взгляд обратился к западу, устремляясь над великой степью, которая казалась безграничной. Здесь он был не более чем песчинкой, и это ощущение незначительности казалось ему привлекательным. Тут налетел ветер и взвил вокруг него пончо. Линан потуже затянул ремешок шляпы на подбородке. Лошадь принялась тихонько ржать; ей хотелось вернуться к своим сестрам.

К принцу приближался всадник. Четт, слишком высокий для Гудона. Возможно, Макон. Нет, сказал он себе, узнавая явное самообладание всадника, а точнее – всадницы, так как это была Коригана. Она остановила лошадь рядом с ним.

– Я гадала, чем это ты занимаешься здесь в одиночестве, особенно в подобную ночь.

– Мне нравятся подобные ночи, – отозвался он.

Королева огляделась кругом, и Линан увидел удовольствие у нее на лице, когда она окинула взглядом Океаны Травы. Такое же удовольствие испытывал и он.

– Мне они тоже нравятся, – призналась Коригана. – Они буйные и какие-то свободные от человека. Возникает такое ощущение, словно нашей расы вообще не существует. Ты когда-нибудь испытывал такое?

От ее слов у него по спине пробежала дрожь; он вспомнил свои сны, в которых ему являлась Силона, а она, как ему представлялось, должно быть существовала задолго до появления человека.

– Только здесь, – быстро ответил Линан. – На востоке никак нельзя игнорировать существование цивилизации.

– Ведь тут *и есть* твой родной дом, не так ли?

– Ощущение у меня именно такое, – кивнул Линан.

Коригана на мгновение задумчиво опустила голову, а затем сказала:

– Сожалею что встала между тобой и Камалем.

– Нам не требовалось, чтобы кто-то вставал между нами. Он все еще считает меня всего лишь самоуверенным и несколько безответственным мальчишкой.

– Ты не такой.

– Теперь уже нет.

– Он любит тебя.

– Знаю, и я люблю его. Сколько я себя помню, он был мне отцом.

– Ты говорил ему это?

Линан моргнул.

– Нет. Ему нет необходимости слышать это.

Коригана пожала плечами.

– Но вот мне нужно от тебя кое-что услышать. Ты решил отправиться в Верхний Суак, потому что счел этот курс наилучшим, или потому, что он шел вразрез с мнением Камаля?

– Вероятно, по обеим причинам. Мне как-то трудно вспомнить, что именно я думал той ночью; помню только свой гнев.

– Камаль той ночью тоже был в гневе.

– Он думал, я всегда буду следовать за ним, – фыркнул Линан.

– Теперь, когда ты становишься самостоятельным, думаю, обнаружишь, что он всегда будет следовать за тобой.

Налетел сильный порыв ветра. На руку Линана упали снежинки и тут же растаяли.

– Сонные Снегопады, – пробормотал Линан. Лицо Кориганы отразило ее удивление. – Гудон рассказывал мне, что эти холодные осенние ветры с юга почти всегда приносят снегопады, и их приход отмечает время, когда многие животные начинают впадать в спячку.

– Ты провел немало времени с Гудоном, разузнавая об Океанах Травы и о тех, кто в них живет. Это хорошо. Но название свое эти ветры получили не из-за впадающих в спячку животных.

– Да?

– Помню как-то однажды поздней осенью я с отцом воевала против одного мятежного четтского клана. Нас застиг один из этих снегопадов. На следующий день мы нашли двух наших дозорных замерзшими насмерть. Они уснули, да так и не проснулись. Вот потому мы и назы-

ваем их «Сонными Снегопадами». – Снег вокруг них закружился еще гуще. – Нам следует вернуться.

- Я не засну, – заверил ее Линан.
- Но твоя лошадь может и заснуть.

– Надвигается снегопад, – отметил Эйджер.

– Да это просто ветерок, – ответил Камаль. Он проходился оселком по лезвию меча и почти не замечал ветра, начинающего завывать вокруг шатра в котором они сидели.

– Я его костями чую. С тех пор, как топор рассек мне спину, я сделался чувствительным к дождям и снегопадам. У меня от них мышцы ноют.

– Чушь, – крикнул Камаль.

– Я слышала похожие рассказы и от других, получивших серьезные раны, – рассудительно заметила Дженроза, сдерживая порыв сказать Камалю какую-нибудь резкость; его безапелляционность начинала ее утомлять.

Камаль начисто вытер клинок уголком своего пончо, а затем лизнул большой палец и провел им по плоскости клинка около режущей кромки. Кромка стала надвигаться на кожу, и он понял, что она достаточно острая. Теперь он принялся быстро водить вдоль лезвия оселком под противоположными углами, делая его слегка зазубренным, а затем повторил проверку большим пальцем и дважды чуть поранил его.

Полог шатра вдруг распахнулся и яростно заколыхался под внезапным порывом ветра.

– Божья погибель! – ругнулся Камаль и потянулся вновь завязать полог. Но не успел он закончить, в шатер влетел снежный вихрь.

– Говорил же я тебе, надвигается снегопад, – надменно сказал довольный Эйджер.

Камаль бросил на него кислый взгляд.

– Снег. Только его нам еще и не хватало. Он вдвое снизит скорость передвижения клана.

– Я думал, после всех наших метаний летом ты оценишь более неторопливый аллюр.

– У нас много дел, а здесь мы их сделать не можем.

– Линан все для себя решил, – мягко сказал Эйджер. – А мы всегда хотели, чтобы он именно так и поступал.

– Не только для себя, – указала Дженроза. – Он решил за всех нас.

– Конечно, он же наш принц, – парировал Эйджер. – А теперь еще и наш вождь.

– Если эта четтская королева добьется своего, он будет больше, чем принцем, – буркнул Камаль.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Дженроза.

Эйджер с Камалем быстро переглянулись. Эйджер кивнул.

– Коригана считает, что Линану следует добиваться трона, – напряженно произнес

Камаль.

– Не понимаю. Зачем Коригане нужно, чтобы Линан стал королем четтов?

– Не ее трона, – ответил Эйджер. – Коригана думает, что Линану следует узурпировать престол Аривы.

Глаза Дженрозы расширились от удивления.

– О!

– А Камаль не согласен, – закончил Эйджер.

– А ты?

Эйджер пожал плечами.

– Я уже не знаю, что и думать.

– Той ночью ты был согласен со мной, – напомнил ему Камаль.

– Я согласился, что нам не надо в Верхний Суак. А насчет занятия Ливаном трона Гренды-Лир я не высказался ни за, ни против.

- Камаль уперся взглядом в землю. Казалось, он ушел в себя. Дженроза села с ним рядом.
- Камаль, а есть ли другой способ?
 - Что ты имеешь в виду? – буркнул Камаль.
 - Может ли Линан вернуться в Кендру и продолжить прежнюю жизнь с того места, на котором она прервалась? Возможно ли такое?
 - Не вижу, почему бы и нет. Если мы изобличим Оркида и Деджануса как убийц Береймы, ничто не может помешать Линану вновь занять свое положение во дворце.
 - А тебе – снова сделаться коннетаблем, а Эйджеру – капитаном королевской гвардии.
 - А тебе – вернуться к своим штудиям в Теургии Звезд. Да. Разве не именно этого мы все и хотим?
 - Ты хочешь именно этого, как и прежде?
 - Да.
 - А как насчет Аривы и Двадцати Домов?
 - Арива не глупа. Она помирится с Линаном. А Двадцать Домов сделают то, что им велят.
 - А что если Линан решит бороться за престол? Ты остановишь его?
- Пораженный, Камаль поднял взгляд на Дженрозу.
- Нет, он этого не сделает.
 - Линан изменился. Эйджер сказал, что он стал вождем. Может он пойти войной на Ариву и в итоге отнять у нее трон?
- Камаль быстро встал.
- Нет. Линан этого не сделает. Я его знаю.
 - Ты знал Линана-мальчика, – напомнила ему Дженроза. – Насколько может быть уверен кто-либо из нас, что мы знаем Линана – Белого Волка?
 - Белого Волка? – лающим смехом рассмеялся Камаль. – Ба!
- Дженроза тоже встала. Камаль пытался избегать встречаться с ней взглядом, но она протянула руку и взяла его за подбородок, повернув лицом к себе.
- Ты слышал, что говорят четты? – бросила она, внезапно расвирепев. – Они чуть ли не преклоняются перед ним, а он совсем недолго пробыл с ними. Если он решит отправиться добывать престол, и Коригана поддержит его – думаешь, четты не пойдут за ним?
 - Для победы над всей Грендой-Лир ему понадобится нечто большее, чем четты.
 - Ты так уверен? – спросил Эйджер. – Ведь это же всего один клан. Семь тысяч воинов. А сколько тут кланов, по словам Гудона? По меньшей мере семнадцать крупных.
 - Они все верховые лучники, – отмахнулся Камаль. – Среди гор, холмов, полей и рек востока их поймают в западню и перебьют.
 - Если их не обучат драться по-иному.
 - С какой стати нам обучать их? Чтобы Линан мог посягнуть на корону Аривы?
 - Мы так и так собирались набрать армию, чтобы добиться рассмотрения дела о царевом убийстве, – возразил Эйджер.
- Камаль не ответил.
- Разве не так? – настаивал Эйджер.
 - Так. – Камалю пришлось выдавливать из себя это слово.
 - И что же вы собирались делать с той армией? – спросила его Дженроза.
 - Вынудить Ариву подчиниться, – ошеломленно признал он. – Заставить ее отдать под суд Оркида и Деджануса. – Он внезапно повысил голос. – Заставить ее исправить несправедливость, вызванную убийством Береймы и изгнанием Линана!
 - И сделав все это под давлением, надолго ли Арива позволила бы Линану оставаться на свободе во дворце? Долго ли оставался бы на свободе любой из нас?
- Камаль снова не ответил.
- Я устал, – заявил Эйджер. – Мы можем деспорить позже.

Дженроза последовала ко входу за Эйджером; отвязав полог, он придержал его открытым для нее, но она покачала головой. Бросив на нее вопросительный взгляд, он улыбнулся, затем пожал плечами, вышел и исчез в вихре кружимого ветром снега. Дженроза завязала за ним полог и повернулась лицом к Камалю.

– Он не хотел так вот загонять тебя в угол, – сказала Дженроза.

– Знаю. Но я не... не могу... согласиться с ним, так же, как с Кориганой или Гудоном.

Дженроза встала перед Камалем.

– Знаю, – сказала она.

– То, чего они хотят – неправильно.

– Знаю.

– Ты, должно быть, тоже устала.

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – поджала губы Дженроза.

Камаль застыл на месте.

– Нет.

Дженроза подалась к нему, привстала на цыпочки и поцеловала его в губы.

ГЛАВА 6

Прадо подтягивал седельные ремни на своем коне, куда Оркид давал ему последние наставления. Канцлер разглагольствовал о тяжелой ответственности, возложенной на Прадо королевой, но у наемника вся эта болтовня влетала в одно ухо и вылетала в другое. Прадо мог думать только о том, что его ждало впереди. Потребуется несколько дней, чтобы добраться до Арранской долины, и по меньшей мере месяц на вербовку новобранцев и экипировку собственных наемников, а потом еще месяц или около того, чтобы добраться до границы с Хаксусом, набирая по дороге новых бойцов. Потом месяц, а если повезет, то и меньше, на получение надежных сведений о передвижениях Рендла и местонахождении четтского племени, защищающего Пинана. Ему не терпелось отправиться в путь. Но Оркид все еще нудил.

– И не злоупотребляй своей должностью. Помни, королева может сделать тебя отверженным с той же легкостью, что и генералом. И не забирай для своей маленькой экспедиции наших войск на границу.

«Маленькой? Этот придурок ничего не смыслит в военных операциях».

– Хьюмскую королеву Чариону уведомили о вашем предстоящем прибытии и рекомендовали ей оказать вам любую помощь, какая понадобится. Но будьте с ней поосторожней: Чариона – женщина умная.

– Я слышал о ней вещи и похуже, – небрежно обронил Прадо. – Кое-кто говорит, что она лживая сука, которая ненавидит Чандру больше, чем Хаксус.

– Как бы там ни было, она подданная королевы Аривы. Отнеситесь к ней с подобающей вежливостью.

– Как скажете.

– А кто эти господа? – спросил Оркид, оглядываясь на ожидающихся Прадо шестерых рослых и грубо одетых всадников.

– Мои первые новобранцы.

– Где ты их нашел?

– Большинство – в тавернах. Все они бывшие солдаты или наемники, оказавшиеся малость на мели, но заинтересованные в полезной работе. – Он полуулыбнулся Оркиду. – Полезной работе на службе королеве, конечно.

– Надеюсь, другие будут хоть немного лучше, – с отвращением сказал Оркид.

– Для порученного дела они годятся, – кратко ответил Прадо. – Я ведь не парадную часть создаю, канцлер. Мне нужны опытные воины, к тому же привыкшие не задавать ненужных вопросов. – Он вскочил на коня и поудобней устроился в седле. – Есть еще что-то, прежде чем я отправлюсь? Передать что-нибудь на словах принцу Линану?

– Просто сделай свое дело, Прадо. Вот все, чего я прошу.

– Тогда не просите большего, – отозвался он и пришпорил коня.

Он покинул дворец, зная, что скоро под его командованием окажется большой отряд наемников. За все годы пребывания на покое в Арранской долине он ни разу не думал, что когда-нибудь это снова произойдет. Наверное, всего лишь наверное, размышлял он, старые добрые времена еще вернуться. Мир полностью переменился, и ему снова понадобились люди вроде Прадо и услуги, которые могли предоставить только они.

Оркид глядел, как Прадо покидает дворец в сопровождении следующих за ним по пятам подручных. Канцлер покачал головой, рассерженный явным пренебрежением в голосе наемника.

«Пусть себе и дальше высокомерничает, – подумал он. – Если он уцелеет, его всегда можно укоротить на несколько вершков».

Арива из своих покоев тоже наблюдала за отбытием Прадо и его людей. Подобно Прадо, она чувствовала, что мир совершенно переменился, но в сторону чего-то нового, а не старого. Грядет век, не похожий ни на какой из прежних, и она не была уверена, к добру это или к худу. Она подняла взгляд и оглядела всю Кендру. Та по-прежнему оставалась одним из самых прекрасных зрелищ, какие ей когда-либо доводилось видеть, и всякий раз укрепляла ее дух, когда она смотрела на нее, но какая-то часть блеска исчезла. Город все меньше выглядел воплощенной идеей государственности и власти естественного права, и все больше походил просто на место, где пребывала власть. Арива давно усвоила, что власть подобна ртути – всегда готова течь в любую сторону, куда ни направит ее фортуна.

Личный секретарь королевы Харнан Бересард, сидящий за письменным столиком, вежливо кашлянул. Арива какой-то миг непонимающе смотрела на него.

– Чем мы собирались заняться?

– Вашей перепиской с королем Томаром и королевой Чарионой касательно их торгового спора.

– Ах да. – Она мысленно вернулась к непосредственному делу и принялась диктовать: – «Хотя я считаю своим долгом обеспечить надлежащий доступ в Кендру обоим вашим государствам, я мало что могу сделать для установления тарифов в пределах ваших собственных владений. Моя мать считала, что должно оставлять местные дела местным правителям, и мне не хочется менять эту политику».

По-прежнему глядя в окно, она видела, как Оркид широким шагом шел через двор к собственному кабинету, когда через главные ворота вдруг галопом промчался гонец. Вместо того, чтобы остановиться и дать служителю забрать его коня, всадник поскакал прямо к Оркиду и вручил ему послание. Арива смотрела, как Оркид прочел сообщение, и заметила, как напряглась его фигура. Он что-то сказал посланнице, и та сразу же снова ускакала.

– Ваше величество?

– На чем я остановилась? – рассеянно спросила она.

Оркид посмотрел в сторону покоев королевы и увидел ее, после чего изменил направление движения и повернул к ее крылу дворца.

– Вам не хочется менять политику вашей матери касательно невмешательства в местные дела, – вкратце подытожил Харнан.

– «Однако я глубоко озабочена этим текущим спором между двумя столь верными подданными и желаю видеть его разрешенным как можно скорее».

Она услышала тяжелые шаги Оркида по каменной лестнице, а потом и по коридору, ведущему к ее покоям.

– «С этой целью, – продолжала она, – я решила учредить группу компетентных советников, которые будут давать мне рекомендации по данному вопросу и другим вопросам, относящимся к торговле и тарифам».

Раздался стук в дверь и караульный открыл ее. Оркид замер в дверях с мрачным и недовольным видом.

– «И, конечно же, я ожидаю, что каждый из вас придет заседать в Совете своего представителя. С наилучшими пожеланиями», и так далее и тому подобное. Подписано мной сегодня вечером.

– Ваше величество, – склонил голову Харнан.

– Оркид? У вас вид, как у потревоженного медведя.

– Нельзя ли мне немного поговорить с вашим величеством наедине?

Арива кивнула.

– Спасибо, Харнан, Я позову вас, когда буду готова.

Харнан быстро встал, собрал свои письменные принадлежности и столик, поклонился королеве и, шаркая, вышел за дверь. Оркид закрыл ее за ним.

– Я видела прибывшую к вам посланницу, – начала Арива.

– Она прискакала с причалов. У меня там есть пост.

– Знаю. Оплачиваю-то его я, помните?

Оркид, похоже, почувствовал себя неуютно.

– Да полно, канцлер. Не можете же вы рассчитывать, что будете оставлять все тайны при себе.

– Мои операции – открытая книга для вас, ваше величество. Вам следует это знать. Меня беспокоит нечто иное.

Арива кивнула.

– Послание пришло от одного из моих агентов на прибывшем сегодня луризийском корабле. Этот корабль недавно завершил долгое плавание вдоль восточного побережья Тиира, на север к Чандре и Хьюму... и Хаксусу.

– Так значит, Салокан все еще позволяет вести торговлю? Многообещающий признак.

– Боюсь, что последний, – мрачно отозвался Оркид.

Арива почувствовала, как ей стеснило грудь.

– Какие у вас известия? – требовательно спросила она.

– Агент сумел проехать с караваном от устья Ойно до самого Колби. Он доносит, что во время его пребывания в городе там действовал комендантский час. Несколько ночей подряд он слышал, как по улицам передвигалось в сторону юга большое число солдат. Он полагал, что они двигались из королевских казарм. В последнее утро пребывания в городе он посетил рынок около казарм, и там никто не открывал торговлю, поскольку не было больше никакой торговли. Гарнизон Колби пропал – причем весь.

– Салокан мобилизует свои силы.

Оркид тяжело вздохнул.

– Да, ваше величество, именно так я и полагаю. – Он опустил взгляд, и пальцы его беспокойно задвигались.

– Есть еще какие-то сведения?

– Агент сообщает также, что среди многих жителей Колби ходят слухи, что Линана видели в Хаксусе.

– Это невозможно. Он сбежал от Рендла. Прадо сам нам об этом рассказал.

– Это не означает, что Рендл – или какой-либо другой капитан – не захватил его впоследствии в плен или что Линан не отправился к Салокану по собственной воле.

Арива почувствовала, как пол под ней покачнулся.

– Нет. Никогда в это не поверю. Даже Линан на такое не способен.

– Он убил Берейму, ваше величество. По сравнению с этим бегство в Хаксус – не великая измена.

Арива не ответила. Кожа ее побледнела до пепельного цвета, руки мертвым грузом лежали на коленях.

– Есть еще кое-что, – напряженно произнес Оркид.

– Продолжай, – медленно проговорила Арива.

– Некоторые из слухов утверждают, что Линан назначен главнокомандующим армии Хаксуса, выступающей походом на юг в Гренду-Лир.

Арива снова не ответила.

– Если это правда, то не может быть более веских доказательств его виновности, – продолжал Оркид. – И Линан при всем желании не мог бы сделать ничего, способного заставить народ Гренды-Лира еще больше охладеть к нему.

– Мог ли он повести армию против собственного народа? – спросила Арива, но Оркид знал, что вопрос этот адресован не ему. – Мог ли он поднять оружие против родной страны? – Лицо ее потемнело от гнева. Она внезапно встала, сжав кулаки. Ее льдисто-голубые глаза, казалось, засверкали.

– Давно твой агент побывал в Колби?

– Около трех недель назад, ваше величество.

– Трех недель!

– Он вернулся как можно скорее, но ему приходилось быть осторожным, возвращаясь к кораблю в дельте Ойно.

– А сколько времени потребуется гарнизону Колби, чтобы достичь границы с Хьюмом?

– Примерно столько же, покуда он не останавливается набрать новых бойцов или подобрать по пути дополнительные части.

Арива принялась расхаживать взад-вперед по покоям, по-прежнему сжимая кулаки и держа руки за спиной.

– Нападать будет для них слишком поздно. Через месяц наступит зима.

– Согласен, ваше величество, но король Салокан – или принц Линан – удобно расположится, чтобы напасть, как только начнется весенняя оттепель.

– Значит, мы должны сейчас же мобилизовать свои войска и отправить полки на север.

– К тому времени, когда они будут готовы покинуть юг, уже выпадут первые снега.

– Наплевать. Они обязаны выступить на север. К концу зимы наша оборона должна быть подготовлена.

– Вам понадобится увеличить налоги, ваше величество. Казна не истощена, но не сможет долго выдерживать военные расходы.

– Немедленно созвать Королевский Совет. Он меня поддержит.

– Как и вся Гренда-Лир, – сказал Оркид.

Она мрачно посмотрела на него.

– Надеюсь вы правы, канцлер – ради нас всех.

Несмотря на туман в голове, Олио каким-то образом нашел старинную библиотечную башню. Поднялся наверх, с преувеличенной осторожностью подымаясь на каждую ступеньку лестницы. Остановившись в середине помещения, он повернулся кругом, глядя на множество старинных книг, не читанных никем сотни лет, поскольку уже никто не знал этой письменности.

«Знания, ждущие кого-то, кто откроет тайну, – подумал он. – Какую же магию они таят в себе?»

Вопрос этот утомил его, и принц осел на пол, заботливо придержав рукой кувшин с дорогим красным вином. Он сделал из него хороший глоток и усмехнулся про себя.

«Бьюсь об заклад, Эдейтор и Теургии выходят из себя при мысли о том, что здесь есть сила, о которой они ничего не знают и которой не могут воспользоваться. Какая ирония!»

Из единственного окна в башню просачивался утренний свет. Олио поднял голову и увидел, что ставни слегка приоткрыты.

«Линану здесь нравилось, – вспомнил он. – Вероятно, мой брат был последним, кто выглядывал из этого окна».

Олио нетвердо поднялся на ноги и широко распахнул ставни. Из окна была видна только часть города, но он узнал маячившее вдали побережье Луризии и отдаленные горные вершины в Амане. А на западе расстились Океаны Травы. И где-то там находился его брат. «Боже, Линан, жив ли ты еще?»

Он снова рухнул на пол, охваченный внезапным горем.

«Я желал бы, чтоб ты был здесь, Линан. Мне бы так хотелось, чтоб ты был дома».

К глазам неожиданно подступили слезы, и Олио выбранил себя за слюнтяйство. Он попытался сдержаться, но не мог перестать плакать.

Некоторое время он, обессилив, лежал на холодном каменном полу, прижимая к груди кувшин. Сон пришел быстро, и ему снилось, что младший брат сидит здесь, в библиотеке, приглядывая за ним.

Совет выслушал преподнесенные Оркидом новости молча. Никто не знал, что сказать. Арива дала советникам немного поразмыслить над тем, что именно означали эти новости для королевства, а затем спросила маршала Льефа о состоянии готовности армий Гренда-Лиры.

– Прошлым летом я по вашему приказу мобилизовал несколько полков, главным образом кавалерийских, для укрепления наших пограничных частей в Хьюме. Они сейчас там.

– Их хватит для отражения полномасштабного вторжения из Хаксуса?

– Нет, ваше величество. Никак не хватит. Они могут достаточно уверенно справиться с любыми набегами из-за границы, но если столкнутся с чем-либо посильней пары вражеских дивизий, то рассеются. Я никогда по-настоящему не верил, что Хаксус действительно пойдет на войну без каких-то пограничных рейдов с целью прощупать наши силы.

– Так же, как и я, – с горечью промолвила Арива. – Канцлер Оркид, какими силами располагает по нашей оценке Хаксус?

– Двадцать тысяч пехоты, по меньшей мере пять тысяч кавалерии. Это их регулярные войска. Сколько они могут призвать ополченцев, нам неизвестно.

– Ваше величество, – сказал маршал, – при последней войне они обладали армией схожей численности, но не тыловым обеспечением, позволяющим им углубиться на нашу территорию.

– Это было пятнадцать лет назад, – отмахнулся от слов маршала Оркид. – Насколько хорошее тыловое обеспечение у них теперь, нам неизвестно. Кроме того, если они достаточно быстро двинутся вперед и захватят Даавис, у них будет база снабжения, необходимая для наступления дальше, в Чандру, а оттуда и на саму Кендру.

– Сколько понадобится времени для мобилизации всей нашей армии, маршал? – спросила Арива.

– По меньшей мере три месяца. В наших арсеналах нет оружия и снаряжения, чтобы выставить в поле армию намного больше двадцати тысяч, хотя со временем, когда оружейная и сукновальная промышленность и сельское хозяйство перейдут на обслуживание армии, мы сможем удвоить и даже утроить их запасы. Но войскам придется выступать из Луризии, Стории и Амана, а это тоже потребует времени. И если основная масса наших сил прибудет в Хьюм остановить вторжение, нам понадобится помощь торгового флота, чтобы армия оставалась сытой и одетой, а также понадобится военный флот для перевозки на север изрядной части южных сил.

– А из этого возникает еще одна сложность, – указал адмирал Сечмар. – Большая часть нашего флота стоит на приколе. Слишком дорого в мирное время держать на плаву все транспортные суда и боевые корабли. Нам потребуется по меньшей мере два месяца на их подготовку и набор экипажей. И даже если их подготовят раньше, будет глупо отправлять флот навстречу зимним штормам – так можно потерять все.

– Сколько войск вы можете перебросить к границе с Хаксусом к концу зимы?

– Двадцать тысяч, – подавленно ответил маршал. – Может быть. Считая и полки, которые уже там.

– Вы ведь не включаете в это число и тяжелую кавалерию, маршал? – спросил Гален Ампра.

– Я бы не дерзнул взять на себя... – покраснел маршал.

Гален взмахом руки велел ему замолчать и повернулся к

– Ваше величество, кавалерия Двадцати Домов может выехать на север через неделю. Это три тысячи самых лучших солдат на континенте.

«Да, и рисковать, что Двадцать Домов заберут в свои руки командование моей армией на севере», – подумала Арива.

– Ваше величество, это будет идеальным решением, – вступил Шант Тенор. Новость о мобилизации войск Хаксуса вызвала у него чуть ли не спазм страха, но затем мысль о промыслах родимого города, работающих на войну, и прибылях, которые это принесет Кендре, замечательно быстро успокоила его. А при мысли о продаже продовольствия и дополнительных припасов, которые понадобятся тяжелой кавалерии Двадцати Домов, у него чуть ли слюнки не потекли.

– Мы неправильно к этому подходим, – произнес новый голос, спокойный и размеренный. Все взгляды обратились в сторону отца Поула. За четыре заседания, с тех пор, как он стал одним из членов Совета, священник вообще почти не высказывался. Даже примас Нортем, похоже, удивился.

Арива смерила его задумчивым взглядом.

– Отец?

– Думаю, отправлять нашу армию на север по частям значит провоцировать катастрофу.

– Но ведь королевство в опасности! – воскликнул Шант Тенор. – Мы не можем ждать, пока враги подступят к стенам самой Кендры!

– А именно это и произойдет, если позволить королю Салокану уничтожить один полк здесь и два там. Даже прославленная кавалерия Двадцати Домов сама по себе мало что сможет сделать против десятикратно превосходящей ее армии.

– Он говорит правду, – подавленно согласился со священником маршал Льеф. – Нас захватили врасплох, и наши войска слишком разбросаны или недоукомплектованы.

– Не совсем врасплох, – поправил его отец Поул, – благодаря заботам канцлера Оркида Грейвспира. – Священник и канцлер обменялись вежливыми взглядами. – И есть способ справиться с этой трудностью.

Шант Тенор увидел, как все краткосрочные прибыли города испаряются прямо у него на глазах.

– При всем должном уважении к отцу Поулу, составление военных планов по-моему лучше всего предоставить маршалу.

– Продолжайте, отец, – попросила священника Арива, бросив предупреждающий взгляд на мэра.

– Я предлагаю сократить пограничный гарнизон до цепи наблюдательных постов. А остальные силы следует отправить на усиление гарнизона Даависа. В то же время здесь собирается надлежащая армия и отправляется на север, как только придет весна.

– Но так мы отдадим врагу почти весь Хьюм! – возмутился Гален.

– Самое большее лишь на несколько недель, – поддержал священника маршал Льеф. – Отец Поул прав. Если уже имеющиеся в Хьюме войска усилят гарнизон Даависа, то город сможет защищаться достаточно долго для подхода нашей деблокирующей армии.

– Нужно также учесть еще одно обстоятельство, – указал Поул. – Прадо и его отряд наемников. Он будет в Хьюме еще до того, как начнутся настоящие холода. Он сможет усилить гарнизон Даависа, или поддержать войска, которые мы оставим на границе.

– Или переметнуться на другую сторону, как только Салокан перейдет границу, – проворчал Деджанус, которого все еще уязвляло, что командовать той экспедицией поручили не ему.

– Я бы не хотела, чтобы Прадо отвлекали от его задания, – возразила Арива.

– Если принц Линан и правда с Салоканом, то это задание и наши надобности совпадают, ваше величество, – указал Поул.

– Спасибо, отец, – поблагодарила священника Арива. – Ваши слова сразу сделали положение менее ужасающим, а его разрешение намного более очевидным.

Поул любезно кивнул:

– Есть еще один вопрос.

– Да?

– Кто поведет армию на север?

– Я, конечно, – быстро ответила Арива.

– Простите, ваше величество, но это нежелательно, – вмешался Оркид. – Никто не может отрицать, что вы мастерски владеете оружием – в конце концов, ваша мать поручала вам командовать вооруженными силами королевства, – но ваше место здесь, во дворце. Что, если в ваше отсутствие случится еще что-то чрезвычайное? А отсутствовать вы будете долго. То же относится и к маршалу. Он нужен в Кендре для организации набора армии, а потом – ее непрерывного снабжения.

– Кого же вы тогда предлагаете? – спросила она канцлера.

– Почему бы не кого-нибудь из Двадцати Домов? – спросил Гален.

– Или принца Олио, – предложил отец Поул. – Будет вполне подходящим, если армию Гренды-Лир возглавит принц королевства, особенно если вражескую армию ведет другой.

Сидящие вокруг стола закивали, и тут все заметили отсутствие Олио. Обычно он вел себя так тихо, что вплоть до этой минуты его отсутствия по настоящему не замечали. Королева выглядела озадаченной.

– Харнан, принца Олио уведомили о предстоящем заседании?

– Мои писцы не смогли его найти, – доложил секретарь. – Могу еще раз послать их поискать его.

– Нет, – покачала головой Арива. – Мне нужно многое обдумать. По этому вопросу я посоветуюсь с братом наедине. – Она поднялась, и все остальные тоже сразу встали. – Сегодня Совет хорошо послужил мне.

Когда Олио наконец проснулся, он ощутил, что мышцы спины скрутились в болезненные узлы. Та сторона лица, которая покоилась на каменном полу башни, занемела от холода. Он застонал, поднялся в сидячее положение. В голове стучало, словно молотом били по наковальне. Рука принца пребывала в чем-то влажном. Он опустил взгляд и увидел большую красную лужу вина. Олио неловко поднялся на ноги. Двинувшись к лестнице, он ногой сшиб пустой кувшин. Тот зазвенел, катясь по каменному полу, и принцу пришлось закрыть глаза от боли.

– Божья погибель, – пробормотал он, держась за голову. Когда боль поутихла, он медленно спустился по лестнице башни, а затем проследовал по коридорам к своим покоям. Когда он открыл дверь, его встретила комната, наполненная светом. Он плотно зажмурил глаза и, закрыв за собой дверь, проковылял в спальню.

– Оставь ее открытой. Я долго не задержусь.

– Сестра? – он приоткрыл один глаз и еле-еле различил сидящую в кресле у его постели Ариву.

– Ты пропустил заседание Совета.

– Сожалею. Я был занят иным... делом. – Он добрался до постели и уселся в самом конце. – Оно было важным?

– Хаксус мобилизовал свою армию. Мы не можем встретить ее всеми своими силами. К середине весны может пасть Хьюм. А в остальном – нет, ничего важного.

Олио помотал головой, пытаясь прочистить ее. Не получилось.

– Я как-то не совсем понял все это.

– От тебя пахнет вином. Ты пьян?

– Н-нет, н-не пьян. У м-меня болит голова.

– Ты мне нужен. А тебя там не было.

– Я же сказал, что сожалею, Арива. По-повтори еще раз. Что произошло на Совете?

– Через четыре месяца, а может, и раньше нас ждет война с Хак-сусом.

Глаза Олио резко распахнулись.

– Война? – Арива кивнула. – С Хаксусом? – Арива кивнула вновь. – Н-но там же наверняка были м-маршал и адмирал? И Оркид?

– Всплыло и твое имя.

Олио вздохнул. Глаза его наконец привыкли к яркому свету.

– Что с тобой происходит? – спросила Арива.

– Да н-ничего со м-мною не происходит, – пожал плечами Олио. – Просто у меня выдалась плохая ночь, вот и все.

– Я вижу, как ты все время бродишь из дворца в город и обратно. Я не желаю больше слушать пересуды. Мои слуги слышали, как твои слуги жаловались, что от твоей одежды всегда разит вином. Что с тобой происходит? – снова спросила королева.

– Н-ничего со мною не происходит! – огрызнулся Олио.

Арива ахнула от удивления.

Олио застонал и потянулся взять ее за руку, но она отдернула свою.

– Извини, сестра, я н-не хотел... – Арива не сделала ни малейшей попытки протянуть ему руку, и он в конце концов опустил свою.

– Умойся, – властно приказала она, вставая. – Переоденься. Побрейся. Избавься от этого ужасного запаха. Через час я желаю видеть тебя в своих покоях. Будь там, а не то я пошлю за тобой гвардейцев.

Олио заставил себя рассмеяться.

– Арива, ты не можешь говорить этого всерьез.

– Будь там, – сурово повторила она и вышла.

Оркид постучал в дверь кабинета примаса и вошел, не дожидаясь приглашения. Отец Поул сидел за огромным письменным столом, читая стопку документов; увидев Оркида, он торопливо встал.

– Канцлер, вы редко навещаетесь в это крыло дворца. Боюсь, вы разминулись с примасом. Он отправился в город.

– Хорошо. Я вообще-то зашел к вам.

Отец Поул, похоже, удивился. Он взмахом руки предложил гостю занять кресло и уселся сам.

– Чем могу помочь?

– Я хотел бы поблагодарить вас за ваш вклад в заседание Совета сегодняшним утром.

– Рад послужить ее величеству.

– Как я понимаю, вы по-прежнему ее исповедник?

– Боюсь, что в последнее время в меньшей степени. Меня теперь по большей части замещает в этом качестве отец Роун. Я постоянно занят горой дел, свалившихся на меня как на секретаря примаса Нортема.

– Ваша рекомендация на Совете несколько удивила большинство из нас. В конце концов, едва ли можно ожидать от клирика, что тот продемонстрирует такое четкое понимание военной стратегии.

– Я усваивал знания с тех пор, как пошел в священники. Наша библиотека содержит не только религиозные тексты; в ней есть исторические сочинения и биографии, рассказы о путешествиях и мифы, анналы прежних военных кампаний. Надлежащий курс действий казался мне очевидным, и промолчать было бы недопустимо.

Оркид непринужденно улыбнулся.

– Льеф – старый солдат, ставший командующим в долгие годы мира, последовавшие за войной с работорговцами. До этого он был отличным полевым командиром. Большая стратегия никогда не относилась к числу его сильных сторон.

– Он может научиться, – возразил отец Поул.

– Ему придется научиться, – сухо отозвался Оркид. – Однако бремя его облегчат добрые советы. Советы королевы. Мои советы. И, как я подозреваю, ваши советы.

Сказанное, похоже, потрясло отца Поула.

– Канцлер, я никогда бы не стал действовать в обход Королевского Совета!

– Я и не предлагаю вам этого. Но бывают случаи, когда Совет является не самым подходящим местом.

– Простите за резкость, канцлер, но к чему вы клоните?

– Я бы высоко оценил привилегию быть доверителем ваших познаний.

– Вы предлагаете мне приходить со своими рекомендациями к вам, а не выносить их на Совет?

– Вовсе нет. Королева надеется, что ее советники будут высказываться напрямик. Но если у вас, к примеру, будет какое-то озарение, которое может касаться срочных дел, вам не обязательно ждать созыва Совета. Если вы придете ко мне, я напрямую доведу вашу рекомендацию до сведения королевы.

Отец Поул откинулся на спинку кресла и соединил пальцы домиком.

– Мне понадобится обсудить это с примасом.

– Нет, не думаю, – покачал головой Оркид. – Пусть это останется между вами, мной и королевой Аривой. Так будет лучше. Меньше инстанций, замедляющих прохождение вопроса.

– С вашего позволения, мне хотелось бы четко оговорить вашу позицию, чтобы между нами не было непонимания. У меня будет прямой доступ к вам?

– Да.

Отец Поул улыбнулся поверх соединенных домиком пальцев.

– Я чувствую себя польщенным.

– Вы согласны?

– Согласен, – кивнул священник. – Думаю эти отношения пойдут на пользу обоим нашим ведомствам.

«И тем, кто ведает ими», – подумал Оркид.

Арива пыталась сидеть как можно царственней, но сохранять подобную позу перед братом было невозможно. Олио стоял перед ней, жалкий и пристыженный.

– Если мои слова показались чересчур суровыми... – начала она, но Олио перебил ее.

– П-прошу п-простить меня, сестра, за м-мое п-поведение, – выпалил он. – Я не могу объяснить, почему ты увидела меня в таком состоянии – во всяком случае пока, – но этого больше не п-повто-рится. Обещаю.

Арива вздохнула и взяла его руки в свои.

– Я беспокоилась за тебя. Мне никогда раньше не доводилось видеть тебя таким. Сейчас столько всего происходит, и мне нужна твоя поддержка.

– Я всегда готов по-поддержать тебя, Арива. Ты сама это знаешь.

Она кивнула и улыбнулась ему.

– Ты должен стать генералом.

– Генералом? – моргнул Олио.

– Мы создаем армию, противостоящую Хаксусу. И считаем, что Хаксус выступит на юг в Хьюм, как только минет зима. Их армия уже сосредоточивается на границе. Ходят слухи, что их ведет Линан.

– Боже мой... – Олио покачал головой. – Нет, не верю. Только не Линан.

– И я никогда бы не сочла Линана способным на убийство Береймы! – отрывисто сказала Арива. Олио открыл было рот, собираясь возразить, но она опередила его. – Мы приказываем силам, какие есть у нас в Хьюме, удерживать в случае осады столицу провинции. Наша армия должна быть готова выступить на север весной; в ней будут контингента из всех южных провинций и тяжелая кавалерия Двадцати Домов. Ей нужен предводитель, превосходящий по рангу всех капитанов, предводитель, которому подчинятся все. Я должна находиться в Кендре. И значит, остаешься только ты. Положение будет опасным, Олио.

– Я понимаю. И, конечно, сделаю все, что могу, н-но у меня же нет никакого военного опыта.

– А его мало кто имеет, брат. Мы долго жили в мире. Но то же относится и к армии Хаксуса. По крайней мере, в этом мы равны.

– Ч-что я должен делать?

– Быть рядом со мной. Советовать мне. Поддерживать связь с маршалом и Оркидом. Они будут давать тебе советы.

– Когда об этом б-будет объявлено на-народу?

– Я рассылаю гонцов во все наши провинции; они отправятся сегодня вечером. К тому времени в Кендре будут знать уже все. Советники вроде Шанта Тенора и Кселлы Поввис вряд ли станут помалкивать об этом.

– Ты собираешься объявить войну Хаксусу?

Арива покачала головой.

– Пусть первый ход сделают они. Пусть весь Тиир знает, кто тут агрессор. Им будет не Гренда-Лир.

– Ты все б-больше и б-большеходишь на нашу м-мать, – улыбнулся Олио.

– Надеюсь, мне выпадет на войне такая же удача, как и ей.

– Удача тебе не понадобится.

Арива уже мысленно слышала шум битвы. Чувствовала запах дыма, крови и страха. Видела перед глазами груды умирающих и раненых, и развевающиеся на сломанных копьях потрепанные вымпелы.

– Возможно, – тихо проговорила она. – Но я не откажусь от любой, какую смогу заполучить.

ГЛАВА 7

Всадники остановились на гребне невысокого холма. Впереди, на некотором расстоянии от него, высилась роща стреловников, окружающая непересыхающее озеро – явление, редкое в Океанах Травы. Рощу, в свою очередь, окружал темно-зеленый ковер растительности, тянувшийся на не одну лигу во всех направлениях. Вокруг рощи на равном расстоянии друг от друга располагались скопления шатров, выкрашенных в яркие цвета. Каждая такая стоянка была отмечена своим знаменем, а вокруг шатров толпились тысячи голов скота.

– Верхний Суак, – промолвила Коригана. – Это самое богатое пастбище на континенте. Отсюда ты видишь все богатство северных четтов.

Линану не верилось, что может быть столько скота.

– Он же наверняка съест тут все? – полуспросил он.

– К середине зимы выпас в основном завершится. А потом мы будем кормить скот заготовленными кормами. К концу зимы они иссякнут, и кланы рассеются в поисках весенней травы. А к тому времени, когда мы все снова соберемся здесь на следующий год, пастбища уже восстановятся.

– Мы ждем, пока не подспеют все ваши, прежде чем спуститься? – спросил Камаль. Днем раньше спутники покинули клан Белого Волка.

– Нет, – ответила Коригана. – Спускаемся сейчас. Сегодня вечером будет собрание глав кланов, и я хочу посмотреть, насколько сильно будут давить на меня мои противники, прежде чем прознают, что с нами принц Линан. – Она быстро взглянула на Камалья. – Или ты.

Камаль не стал разыгрывать скромность. Времена, когда тянувшаяся за ним как шлейф слава капитана Красных Щитов Элинда Чизела доставляла ему какое-то удовольствие или питала его гордость, давно миновали. Она была просто реальностью его жизни и за годы, минувшие с окончания Невольничьей войны, послужила скорее хорошо, чем плохо – именно эта слава и обеспечила ему пост коннетабля при королеве Ашарне.

– Значит, вы беспокоитесь о безопасности Линана? – кисло спросил он.

– Конечно, – признала она. – Но его величеству настало время пойти на этот риск.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы его так называли, – покачал головой Камаль.

– Да перестанете вы говорить обо мне так, словно меня здесь нет? – не выдержал Линан, хотя и сказал это без гнева. – Каков твой план, Коригана?

– Сегодняшнее собрание будет испытанием для меня. Если оно закончится в мою пользу, мы объявим о твоём присутствии. А если нет – сохраним его в тайне; я не стану без нужды рисковать твоей безопасностью.

– Как только прибудет остальной ваш клан, оно перестанет быть тайной, – указал Камаль. – Вашим соплеменникам будет невтерпеж поделиться новостями.

– На таких собраниях новости ходят вместо денег, – подтвердил Гудон.

– Если собрание пойдет неважно для нашего дела, ваше величество, – сказала Коригана, – я дам вам сопровождение в тысячу воинов для доставки вас обратно на восток Океанов Травы. Там, если пожелаете, вы можете следовать плану Камалья, а я присоединюсь к вам, когда смогу. Или можете отправиться в другую часть королевства на поиски поддержки среди жителей Чандры или Хьюма.

Линан ничего не сказал, но на сердце у него, впервые с тех пор, как он в конце лета оправился от ран, стало действительно тяжело. Он знал: если его не поддержат четты, то вообще никто больше не поддержит, даже если и будут сочувствовать его делу. Арива была законной королевой Гренды-Лир, и никто из правителей восточных провинций не выступит добровольно против нее на стороне Линана.

Чья-то рука коснулась его локтя и, обернувшись, он увидел смотрящего на него Эйджера.

– Что бы ни произошло, Линан, твои друзья останутся с тобой.

Линан улыбнулся, и тяжесть у него на сердце уменьшилась.

– Нам следует спуститься, – непринужденно промолвил он. – Посмотрим, как кланы относятся к своей королеве. – И чуть поклонился Коригане.

Коригана ответила тем же и тоже улыбнулась.

– Или, на самом-то деле, к королю, – отозвалась она.

На пути к Суаку они проехали мимо трех станов. Линан, Эйджер и Камаль дружно держались в середине группы, нахлобучив по самые брови свои широкополые шляпы. Дженроза же, которая внешне не так сильно отличалась от четтов, а после того, как почти всю осень провела в степи, была не намного светлее их, с удовольствием ехала впереди. Ее заворожили рисунки, которыми кланы украшали свои шатры и пончо. В используемых цветах, казалось, не существовало никакой системы, но вот рисунок у каждого клана был свой.

Гудон ехал рядом с ней.

– Это клан Солнца, – сообщил он. Их рисунок представлял собой ярко-желтый диск, окруженный кривыми белыми лучами, подобными вспышкам молний. Этот узор повторялся в клане повсюду, но с тонкими отличиями: у одного шатра он располагался на голубом поле, у другого – в серии концентрических кругов.

– Солнце было союзником Белого Волка, – продолжал Гудон, – поскольку одному нравится день, а другому ночь, и им нечего делить друг с другом. А вот следующий клан – иное дело.

– Дай-ка догадаюсь сама, – рассмеялась Дженроза. – Клан Совы. – Их рисунок не вызывал никаких сомнений.

– Да, и подобно Белому Волку, ночной хищник. Вождь его Пиктар, и он враждовал с отцом Кориганы. Та вражда перешла и на мою королеву.

Враждовали они с Белыми Волками или нет, но обитатели этого стана пропустили всадников Белого Волка так же охотно как и члены клана Солнца.

– Они не кажутся враждебными, – заметила она.

– Мы с ними не воюем, – объяснил Гудон. – Вдобавок это Верхний Суак. Здесь никаких боев не допускается. На самом-то деле, для молодых воинов Белого Волка не такое уж неслыханное дело взять мужа или жену из клана Совы. – Говоря эти слова, он нашел время улыбнуться и помахать рукой ехавшей в противоположном направлении особенно гибкой четтке с изображенным на пончо отчетливым рисунком совы. Та улыбнулась и помахала ему в ответ.

– Четтка может выходить замуж, за кого хочет?

– Верно. Воительница также может выбрать, членом какого клана ей быть после брака. Иногда, во избежание стычек, двое воинов из разных кланов могут пожениться и присоединиться к третьему, нейтральному клану.

– Я думала, ваши кланы были основаны на семьях.

– Они и сейчас на них основываются, по большей части, но клановая традиция и история поважнее любой родословной.

Рисунок последнего стана, мимо которого они проехали, состоял из трех волнистых линий.

– Клан Реки? – предположила Дженроза.

– Клан Океана, – покачал головой Гудон.

– Океанов Травы?

– Нет.

– Это странно, не правда ли? Ваш народ принадлежит степи, а не морю.

– Сейчас да, но самые древние наши предания как раз о море. Мы много веков назад пришли из-за моря.

- Какого моря?
- Разделяющего.
- Вы прибыли из Дальнего Королевства?
- Кто может сказать, что правда, а что миф в тех древних преданиях?
- А они враг или союзник вашего клана?
- Союзник, с самых недавних пор. Они были первым кланом, побежденным отцом Кориганы в ходе войны за объединение всех кланов под его началом. С тех пор они всегда оставались преданными.

Что-то в голосе Гудона заставило Дженрозу гадать, действительно ли он считает, что клан Океана всегда оставался верным союзником. Но прежде, чем она смогла задать еще какие-либо вопросы, они уже ехали меж высоких стреловииков, и их кобылы, которые наконец почуяли воду сквозь наполнявший всю округу запах скота, ускорили шаг. По мере продвижения деревья становились все гуще, а любое свободное пространство между ними занимали высокие кусты. Тропу теперь стали пересекать тени ветвей и листьев.

Первым увиденным ими намеком на Суак был проблеск лазури, сверкающей сквозь зелень. Когда они подъехали ближе, стреловники начали редеть, сменяясь пальмами и папоротниками. Во все стороны брызнули птицы с ярким оперением. Начали появляться постоянные дома из глиняных кирпичей, построенные наподобие тех, которые Дженроза видела в Суаке Странников.

- А какому клану принадлежит этот суак?
- Никакому. Те, кто постоянно здесь живет, не похожи на других четтов. Они не держат никакого своего скота.
- Тогда чем же они живут?
- Получают десятину от навещающих зимой кланов и имеют кое-какую прибыль от торговли. Травы для выпечки хлеба у них в избытке, здешние деревья дают самые сочные плоды, а в озере полно рыбы. По сравнению с той жизнью, какой живет большинство четтов, здесь живется легко.

Они достигли берега озера и спешили. Их окружили улыбающиеся дети, которые взяли у них поводья лошадей и увели их на водопой. А вокруг Кориганы собрались взрослые, по большей части с глиняными блюдами, заваленными едой. Дженроза наблюдала за тем, как Коригана старательно взяла и съела что-нибудь с каждого блюда. Когда королева касалась блюда, его владелец дотрагивался до ее руки или на мгновение накрывал ее своей.

– Они приветствуют ее на свой лад, – пояснил Дженрозе Гудон. – Деля с ними еду, она обязуется защищать их.

- Они проделывают это со всеми предводителями кланов?
- Гудон кивнул.
- Поэтому у них нет врагов, и все кланы знают, что никакой другой клан не может забрать суак и не пускать их туда зимой.

Когда Коригана закончила, местные затянули песню, протяжное завывание, которое волнообразно подымалось и опускалось.

- Похоже, они очень довольны этим, – заметила Дженроза.
- Верно. Потому что однажды настал год, когда отец Кориганы не принял еду, – голос Гудона сделался мрачным.
- Он забрал у этих людей суак?
- Не в смысле прямого захвата – но отказавшись защищать его, он бросил вызов всем кланам, которые не заключили с ним союз. Вызов, который они не могли оставить без внимания. В ту зиму произошла самая большая и самая страшная битва нашей гражданской войны. Пало много воинов.
- И что произошло?

- Отец Кориганы стал королем, – просто ответил Гудон.
- Значит всякий, кто против Кориганы, может сделать то же самое?
- Только если его поддержит достаточно много кланов.

Пение прекратилось, и одна из местных, слегка согбенная от возраста женщина с седыми как дым волосами, выступила вперед, протягивая в приветствии руки. Коригана взяла их в свои. Женщины обменялись несколькими словами, которых Дженроза не расслышала в силу своей отдаленности, а затем рука об руку прошли к одному из домов и исчезли в нем. Местные начали расходиться. Сопровождающие Коригану разбились на мелкие группы, большинство которых уселось на землю или пошло к краю озера посмотреть на воду. Дженроза и Гудон присоединились к Линану, Камалю, Эйджеру и Макону.

- Все прошло хорошо, – сказал Макон.
- Кто была та старая женщина? Местный вождь? – спросила Дженроза.
- Херита. Она их старейшая и потому говорит от имени всех. А вождя как такового у них нет.
- А что Коригана и Херита сказали друг другу? – спросил у брата Гудон.
- Коригана спросила о других вождях. Херита сказала, что еду приняли все, но кое-кто из них казался мрачным.
- Это нехорошая новость, – молвил Камаль.
- В этой жизни хватает причин быть мрачным, – указал Гудон. – Но, да, мы могли бы надеяться на лучший знак.

- Кто может сегодня явиться на это собрание? – спросил Камаль.
 - Мы все, но только во второй круг.
 - Второй круг?
 - Первый круг – внутренний круг – для вождей. Сопровождающие, те пятьдесят воинов, которых они могут привести с собой, образуют вокруг второй круг.
 - Сопровождающие будут при оружии?
 - А ты когда-нибудь видел четта без него?
- Камаль покачал головой.
- А бывает так, что подобные собрания заканчиваются кровопролитием?
 - Иной раз бывает, но между вождями – никогда, только между их сопровождающими.

И с тех пор, как отец Кориганы стал королем, такого насилия не бывало ни разу.

- Вы так и не назвали его по имени, – сказал Линан.
- Кого, маленький господин?
- Отца Кориганы.

Гудон пристально посмотрел на принца.

– Имя его много значит для нас, четтов, даже для четтов из его родного клана. Оно означает единство и цель. А также означает борьбу и кровопролитие. Мы употребляем его только когда вынуждены.

- Можно мне узнать, как его звали?

Гудон кивнул.

- Его звали Линан.

Уже почти стемнело. Коригана и ее свита направились к собранию из двух кругов. Дженроза и Камаль прошли в хвост группы и недолго – слишком недолго для них обоих – подержались за руки.

- Жаль, у нас не нашлось больше времени побыть наедине, – сказала Дженроза.
- Это было довольно трудно и тогда, когда мы были только с кланом Белого Волка, – рассмеялся Камаль. – А теперь мы со всем народом четтов... – Он с досадой покачал головой.

– Возможно нам удастся вызваться добровольцами в дозор, – предположила она. – В котором будем только мы вдвоем и шатер.

Камаль обдумал это предложение.

– Думаешь, нам понадобится много чего разведывать?

– Это уж будет зависеть от того, что мы ищем.

– Да, я это понимаю. Нам понадобится карта или, проводник-четт?

– Я и так уже знаю дорогу, – заявила она.

– Ну, это полезно.

Когда группа проходила мимо различных лагерей кланов, оказываемый ей прием колебался от непринужденных приветствий до сумрачного молчания.

– Думаешь, Коригане сегодня будет грозить опасность?

– Почти наверняка. Меня больше волнует безопасность Линана. Он не понимает, во что ввязывается.

– А кто-нибудь из нас понимает?

Камаль пожал плечами.

– Возможно, никто из нас, с тех пор, как мы бежали из Кендры. – Он чуть выдвинул из ножен меч и задвинул его обратно.

Дженроза рискнула снова взять его за руку.

– Пожалуйста, будь осторожен. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Собрание проходило в стороне от суака, в конце неглубокой длинной долины, где теперь обитали все семнадцать крупных кланов четтов и десятки мелких. Явиться решили почти тридцать вождей, в большинстве случаев – сопровождаемые пятьюдесятью воинами. Первый круг уселся вокруг пылающего костра. Второй круг, заполненный более чем тысячей воинов, сбился потесней; люди в нем стояли, чтобы занимать поменьше места. Линан и его спутники находились поблизости от внутреннего края этого круга, но темнота помогала маскироваться; только рост Камала выделял его из толпы, но все внимание было сосредоточено на вождях.

Первой выступила Херита, у которой не было ни клана, ни свиты, и приветствовала всех собравшихся в Верхнем Суаке как желанных гостей; затем она спросила, не желает ли кто выступить. Линан ожидал, что Коригана заявит о своем праве выступить первой, но та осталась сидеть и ничего не сказала. Даже Херита вопросительно посмотрела на нее, но после короткой паузы снова спросила, не хочет ли кто-нибудь выступить.

– Что делает Коригана? – спросил у Гудона Линан.

– Выжидает, хочет посмотреть, кто посмеет забрать себе ее привилегию, – пояснил Гудон. – Если противники хорошо организованы, то возглавлять их будет какой-то один вождь клана, и она или он обязательно ухватится за такую возможность. И Коригана хочет знать, кто же это.

Но ни один вождь не откликнулся на зов Хериты. Херита вернулась на свое место, встав рядом с Кориганой.

– Моя королева, не выступите ли вы перед своим народом? – Этот призыв повторили, словно эхо, и некоторые из вождей.

Коригана медленно поднялась на ноги.

– Я принимаю честь выступить первой.

Из второго круга раздалось несколько приветственных криков, и не только со стороны ее свиты.

– С востока поступили новости, – начала она, и голос ее, сильный и решительный, разнесся по всему собранию. – Вернулись наемники.

На самый краткий миг внезапно наступила тишина, а затем все собрание разразилось яростным гамом. Несколько вождей вскочили на ноги и кричали, некоторые встревоженно, а некоторые – гневно отрицая сказанное.

– А, вот теперь мы видим, кто против нее, – порадовался Гудон.

Коригана подождала, пока шум несколько поутихнет.

– Мой народ сражался с ними. Тридцать наемников было убито.

– Чьих наемников? – потребовал ответа мужской голос. Все взгляды обратились на вождя по другую сторону костра от Кориганы. Он был рослым для четта, широкоплечим и с сильными руками. Лицо его изрыли оспины и глубокие морщины, а нос над широким ртом с тонкими губами был приплюснут.

– Рендла, – ответила Коригана.

– Откуда ты знаешь? С ними был Рендл?

– Нет, но тебе же известно, Эйнон, у меня есть свои источники сведений и за пределами Океанов Травы.

– Твои шпионы, – выпалил Эйнон.

– Это вождь клана Лошади, – прошептал Гудон на ухо Камалю. – Его отец был самым решительным и сильным противником отца Кориганы и потерпел здесь, у Верхнего Суака, поражение в последней великой битве. Совсем не удивительно, что он противостоит Коригане.

– *МОИ* шпионы? – холодно переспросила Коригана. – *НАШИ* шпионы.

– Мы нисколько не нуждались в них до... – Эйнон дал окончанию фразы повиснуть в воздухе, но все знали, что он хотел сказать: до того, как отец Кориганы объединил четтов.

– До войны с работорговцами? – Коригана сделала вид, будто не поняла намека. – Возможно, именно поэтому мы и пострадали так жестоко от рук Рендла и ему подобных.

– О, красиво сработано, – восхитился Эйджер. – Она вывернула все наизнанку.

– Рендл в первую очередь и прежде всего наемник, – произнес другой голос. На ноги поднялся еще один вождь, женщина. Она выглядела такой же старой, как Херита, но обладала более прямой осанкой. – Его присутствие в Океанах Травы еще не означает, что он вернулся захватывать рабов.

– Акота, – сообщил Линану Гудон. – Вождь клана Луны.

– Еще один старый враг?

– Нет, но этот клан издавна отличается яркой независимостью. Его воины всегда сомневаются в том, чего они сами не видели.

– Кем бы ни был Рендл, в прошлом он занимался ремеслом работорговца; откуда нам знать, что он не вернулся к нему? – требовательно спросила Коригана, задавая этот вопрос всему первому кругу.

– Но великая королева в Кендре не позволит работорговцам снова взяться за старое, – возразил еще один вождь, вставая, чтобы привлечь внимание. – Она обещала нам, что они никогда не вернуться!

Раздался громкий ропот согласия со стороны многих вождей и их сопровождающих.

– Великая королева умерла! – объявила Коригана.

Возражавший вождь застыл. Акота осела на землю. Даже Эйнон выглядел озадаченным.

– Умерла? – переспросил он. – Когда?

– В начале лета, – ответила Коригана.

– Но ее сын потерял работорговцев не больше, чем она...

– Берейма был убит еще до того, как его короновали. Ныне Грендой-Лир правит его сестра Арива.

Теперь сел даже Эйнон.

– Заговорив, ты каждый раз наносишь нам удар, – хрипло произнесла Херита. – Твои шпионы сообщили тебе об этом?

– Для таких новостей шпионы мне не нужны. Как вам известно, территория моего клана граничит с Суаком Странников. Новости о смерти Ашарны и ее сына общеизвестны.

Тут сразу же встала Акота.

– Но Арива – или кто угодно из детей Ашарны – никогда не позволит работорговцам снова заняться прежним делом.

– Арива – не Ашарна, – ровным тоном ответила Коригана. – Мне известно, что Рендл и другие уполномочены ее властью.

– С какой целью? – спросила Акота. – И кто другие?

– Для охраны границы с Хаксусом – или, во всяком случае, так говорит Арива. А кто другие? Да хотя бы Джес Прадо.

Вожди и их сопровождающие снова разразились громкими криками, некоторые в тревоге, а некоторые – отрицая слова Кориганы. Теперь уже все вожди вскочили на ноги и гомонили одновременно.

– Хаксус не воюет с Грендой-Лир! – выкрикнул один из вождей. – Зачем Ариве использовать наемников вместо собственных войск?

– Тут кто-то лжет! – громогласно объявил Эйнон, и все остальные голоса умолкли. – Либо Арива, либо Коригана! И я знаю, которой королеве я верю!

– Так-то ты верен нашей королеве? – бросила Акота прежде, чем Коригана успела что-нибудь сказать.

– Нашей королеве? – хрипло рассмеялся Эйнон. – Которой?

– Ты отлично знаешь, что я говорю о Коригане. И я снова спрашиваю, что же это за верность?

Эйнон показал на Коригану.

– Скорее тебе следовало спросить: что же это за королева? – Он повернулся лицом ко второму кругу и, говоря, медленно поворачивался, широко раскинув руки, как бы охватывая всех слушателей. – Эта девушка унаследовала свой титул! Она его не заслужила! Ей известно, что некоторые кланы не приветствуют ее, и объединить нас всех и увлечь за собой она может только одним способом: заставив нас подумать, будто вернулись работорговцы. Нет никаких работорговцев! Нет никаких наемников! Есть только Коригана, бледная тень того, чем когда-то был ее отец!

– А чего хотел бы ты? – требовательно спросила Коригана. – Нового правителя на мое место? Кого-нибудь вроде тебя самого?

Эйнон повернулся лицом прямо к ней и покачал головой.

– Я не желал бы в Океанах Травы никакого короля или королевы. Хватит и одной королевы в далекой Кендре. Других нам не надо.

– Со времен наших отцов мир сильно изменился, – ответила Коригана. – Мы не можем рассчитывать на подмогу из Кендры. Теперь, со смертью Ашарны, мы не можем рассчитывать даже на то, что Кендра будет сколь-нибудь доброжелательно смотреть на нас. Мы *ДОЛЖНЫ* объединиться!

– Против кого? – поинтересовался Эйнон. И повернулся к одному из вождей, молодому парню, который судя по его виду, и бриться-то начал совсем недавно. – Терин! Территория твоего клана ближе всего к Хаксусу! Твой народ подвергался набегам каких-нибудь наемников?

Терин неуверенно покачал головой и беспомощно посмотрел на Коригану. Он явно не дружил с Эйноном, понял Линан; несомненно, потому-то Эйнон и выбрал именно его: если даже союзники Кориганы не могли подтвердить ее слов, то с какой стати еще кому-либо верить им?

Линан двинулся было вперед, но тут тяжелая рука схватила его за локоть. Он оглянулся через плечо и увидел Камалю.

– Это слишком опасно, малыш, – яростно прошептал Камаль.

А Гудон схватил его за другую руку.

– Он прав, ваше величество.

Эйнон снова повернулся лицом ко второму кругу.

– Кто-нибудь видел тех наемников? – Ему никто не ответил. – Неужели никто не выступит в поддержку Кориганы? – В голосе его явственно слышалась насмешка.

– Королеву поддержит ее клан! – крикнул Гудон.

Отпустив руку Линана, он шагнул из второго круга вперед.

– Кто выступает? – требовательно спросила Херита.

– Я Гудон, сын Катеры Правдоречицы, родич королевы Кориганы.

– Гудон? – переспросил с подозрением в голосе Эйнон. – О тебе много лет не было ни слуху, ни духу. Откуда нам знать, что это *ты*? Выйди на свет!

Гудон широким шагом подошел к костру и снял шляпу. Херита, Эйнон и Акота подошли поближе и внимательно пригляделись к его лицу.

– Я не уверена, – сказала Херита.

– Возможно, это вовсе не он, – предположил Эйнон.

– Это он, – уверенно заявила Акота. – Я знала Правдоречицу, и это точно ее сын.

По двум кругам пролетел, словно ветерок по степи, ропот голосов.

– Похоже, он хорошо известен, – пробормотал Эйджер.

– Где ты был все это время? – спросила Акота.

– На востоке, – невесело улыбнулся Эйнону Гудон. – Я был одним из тех самых шпионов Кориганы. Именно я и принес известие о Ренгле и Прадо. Они снова в седле.

– Это нелепо! – гневно бросил Эйнон. – Если он сын Правдоречицы, это еще не значит, что и его речь правдива! Он просто червь, пресмыкающийся у ног Кориганы!

Рука Гудона опустилась к эфесу меча.

– Я не пресмыкаюсь ни у чьих ног, – холодно отчеканил он.

– Здесь ни к чему оскорбления или угрозы, – выпалила Акота, и они с Херитой встали между Эйноном и Гудоном. Эйнон отступил на шаг, нарочито держа руки подальше от оружия, и Гудон тоже убрал руку с эфеса.

– Я немного погорячился, – признал Эйнон и снова повернулся ко второму кругу. – Но если мы не верим Коригане, то с какой стати нам верить ее родичу? Еще раз спрашиваю, видел ли кто-нибудь тех наемников? И я спрашиваю об этом не у членов клана Белого Волка, так как нам известно, в чем они заинтересованы.

Тут Линан так быстро выступил вперед, что вырвался из захвата Камалья прежде, чем великан успел плотнее сжать руку.

– Ради бога, малыш! – прошипел Камаль, но Линан проигнорировал его. Он вышел полностью на свет костра. Шляпа отбрасывала густую тень на лицо и скрывала его черты. Эйнон и другие вожди повернулись к нему. Гудон застонал. Коригана подошла к нему и еле слышно прошептала:

– Линан ты не обязан этого делать!

Линан посмотрел ей прямо в глаза.

– Я сделал выбор, решив ехать в Верхний Суак. И теперь я обязан заставить этот выбор оправдать себя.

– И несмотря на мои слова, к костру все же выходит еще один из клана Кориганы, – громко воскликнул Эйнон. – Ее сопровождающее слишком преданно ей, но у них не слишком хорошо со слухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.